

18+

ВАСИЛИЙ ЛЯГОСКИН

# ВОЛШЕБНИК ПО ЗАЛЕТУ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ: КОПИ  
ОДИНОКОЙ ГОРЫ

Василий Лягоскин

**Волшебник по залету. Книга  
четвертая: Копи Одинокой горы**

«Издательские решения»

**Лягошкин В.**

Волшебник по залету. Книга четвертая: Копи Одинокой горы /  
В. Лягошкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-557632-3

Закрытая от Содружества планета. Средневековье, которое судорожно  
пытается построить новый мир на обломках трех цивилизаций. Может, здесь  
пригодится что-то еще от одной, земной, русской ее части?...

ISBN 978-5-00-557632-3

© Лягошкин В.  
© Издательские решения

## Содержание

|                                                        |    |
|--------------------------------------------------------|----|
| Глава 1. Дарф Мирт, хозяин трактира «У ворот»          | 6  |
| Глава 2. Олег Громов и команда. В Борске               | 15 |
| Глава 3. Глайда Маир, Истинный маг Разума              | 27 |
| Глава 4 Олег Громов. Победитель магов                  | 36 |
| Глава 5. Горделий Фаст, наместник герцога в Борске     | 42 |
| Глава 6. Олег Громов. В подземелье копей Одинокой горы | 46 |
| Глава 7. Король Ергус Первый. Малый Совет              | 55 |
| Конец ознакомительного фрагмента.                      | 59 |

# **Волшебник по залету**

## **Книга четвертая: Копи Одинокой горы**

**Василий Лягошкин**

© Василий Лягошкин, 2021

ISBN 978-5-0055-7632-3 (т. 4)

ISBN 978-5-0053-2009-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Глава 1. Дарф Мирт, хозяин трактира «У ворот»

Чего только не повидал на своем веку старый дарф Мирт! Он появился в Борске почти сорок зим назад; выкупил развалюху на окраине городка, и перестроил ее так, что трактир стал пользоваться популярностью у искательских сквайдов. Но только у тех, кто не смешивал свою основную работу, собирательство в развалинах столицы Ушедших, с тайными делами, малопочтенными даже здесь, на окраине цивилизованных земель. Таких разумных, с гнильцой в душе, дядюшка Мирт распознавал – практически сразу. Из трактира не гнал, конечно, но не привечал. Для них свободных комнат на втором этаже трактира никогда не было.

Но вот такой картины, что открылась его глазам сегодняшним утром, он, пожалуй, не видел никогда, и не ожидал увидеть. Для него, кстати, было уже далеко не утро. Вставал почтенный трактирщик в последние дни много раньше обычного. А все потому, что разумные в Борске словно с ума по сходили. Кто-то из искателей принес и распространил слухи, что Злой Лес теперь совсем безопасен; так же, как и сами развалины. И большая половина работников трактира, а главное – повар с двумя помощниками – тут же рванули с каким-то сквайдом, в поисках легкой и богатой жизни.

– Как же – легкой?! – ворчал сильно озабоченный этим обстоятельством Мирт, и его поддерживал в его негодовании такой же пожилой и почтенный лекарь Дауд, – посмотрите на таких счастливиц там, на втором этаже!

Мирт из врожденной доброты, которую он безуспешно пытался скрывать, поселил в одном из гостиничных номеров четырех искателей. Остатки этого сквайда добрались до Борска в ужасном состоянии. Даже Дауд, который большей частью ошивался в трактире, и зачастую практиковал тут же, отшатнулся в первый момент от этих ходячих трупов, и посоветовал Мирту гнать их поганой метлой.

– Потому что все равно не выживут, а беды могут принести в твой дом много, – сказал он трактирщику.

Впрочем, лекарь ворчал, но искателей лечил. Хотя и был уверен, что вылечить не сможет. А то обстоятельство, что четверке действительно полегчало после его знаменитых пилюль, объяснял, пожимая плечами:

– Так всегда бывает – последний прилив жизненных сил перед смертью.

Вот с такими грустными мыслями Мирт и стоял на широком крыльце своего трактира, которое можно было назвать даже террасой, на которую иногда выносили легкие столики со стульями. Кряжистый, с почти квадратной фигурой, которую прожитые десятки зим никак не согнули, он поднял руку, чтобы создать на глазах тень. Яркое светило, поднявшееся над горизонтом, а точнее, над чахлым леском, что рос в полутысяче шагов от городской черты, мешало разглядеть какую-то непонятную штуковину. Темное нечто, выскользнувшее как раз из этого леса, быстро росло, превращаясь в длинное и толстое тело, которое бесшумно и очень быстро передвигалось в сторону городской границы.

Никаких стен у Борска не было. Границу поселения обозначала хлипкая линия, сложенная из столбов и жердей в три нитки, которые могли задержать разве что стадо крупных животных. А разумных... Вряд ли кто в здравом уме мог попытаться ворваться с набегом в городок, основная часть жителей которого была искателями; вооруженными, опытными, и неоднократно на собственных шкурах испытывшими, что такое атака превосходящего противника. Такого, с каким малые орды оркских племен сравнивать было смешно. Эти орды предпочитали торговать с городком. А точнее, меняться нужными товарами.

Другую часть населения города составляли торговцы, и их охрана – тоже знавшая как, и с какого конца держать в руках оружие. Ну, а само обозначение городских границ потребовалось отцам Борска, которых назначал и контролировал герцог Дайн Великолепный, чтобы

никто не смел попасть в город, иначе, чем через двое ворот, таких же хлипких, как и сама изгородь. Искателей тут пропускали без всяких вопросов и поборов; всех остальных за малый денежный сбор.

Стража, которая большую часть времени просто бездельничала у ворот, и до которой от крыльца трактира было не больше трех дюжин шагов, сейчас тоже устремила свои взгляды и вниманием к лесу, к тому летающему монстру, который показался из него.

– А вот еще два, – отметил вслух Мирт; и Дауд, вышедший на крыльцо только что, кивнул согласно, – но эти поменьше, и таких в Борске уже видели.

Действительно, такие летающие невысоко над землей артефакты Ушедших в городке иногда появлялись. Сам герцог один раз почтил своим вниманием городок, зим пятнадцать назад, как раз на такой вот платформе – именно так иногда называли артефакты. Ну, и купцы, что побогаче, могли себе позволить подобный транспорт. Но такие богачи появлялись в Борске не каждую зиму. Теперь же из леса выползли, и пристроились в хвост первому, самому крупному артефакту, сразу две такие платформы. Впрочем, вблизи городской границы этот порядок они нарушили; как-то слаженно вильнули в стороны – каждая в свою – и рванули вперед. Так что перед воротами три артефакта остановились, выстроившись ровной шеренгой, с крупным собратом в центре.

На несколько долгих мгновений время замерло – вместе с этими артефактами, стражниками и самим Миртом. Ну, и старый Дауд рядом дышал через раз, едва слышно. Первым это безмолвие, и неподвижность нарушили артефакты. Точнее, разумные, которые прибыли на них со стороны развалин. Они посыпались в двери сразу всех трех транспортных средств. Сначала с платформ – с левой, задняя часть которой была куцей, какой-то голой, выскочила целая куча дарфов. Пересчитать их было нелегко – потому что эти дети, а сознание старого дарфа этот факт отметило без сомнений, хотя и с большим изумлением – сразу забежали вокруг своего артефакта. К тому же внимание Мирта переключилось на другую платформу. Тут команда была куда как серьезней. Оркусы – крепкие, одетые во что-то ладное, не мешающее махать острыми железками, каких у этих воинов хватало. А командовал этими бойцами – тут Мирт невольно сместил ладонь ниже, и потер глаза, не веря им – так вот, командовал ими глава самого известного и скандального сквайда Борска, Гора Банг. Другого такого гиганта старый трактирщик просто не знал.

– Может, брат? – поколебал его уверенность Дауд, – или другой родственник. Что-то я не видел раньше, чтобы Гора так резво скакал.

– Действительно, – пригляделся Мирт, – и фигурой он как-то... усох. И плечи пошире будут, и голос...

Голосишко у знакомого им Горы Банга действительно был визгливый, приличествовал скорее какой-нибудь скандальной бабе. А тут здоровяк в таком же ладном, без единой складки, костюме гаркнул на оркусов так, что в окнах трактира, кажется, готовы были полопаться стекла. Стеклышки эти искатели носили из развалин, и трактирщик ими очень гордился; а еще больше, дорожил.

Наконец, разумные полезли и из самой большой летающей повозки; другого, более подходящего названия дядюшка Мирт придумать не смог. Лишь потер глаза еще раз – теперь уже со всей силой. Потому что у новых бойцов, у четверки, выпрыгнувшей первой, было по четыре руки – у каждого! И держали эти конечности какое-то оружие вполне уверенно. Да и сами эти существа выглядели очень опасными.

Следом сошла целая толпа. Какой-то невзрачный человечек с тремя ослепительно прекрасными альвийками, двое из которых не вышли еще из детского возраста, но уже определенно могли свести с ума любого мужчину, у которого что-то еще, или уже шевелилось в штанах.

Это Дауд так предположил, крикнув при этом. Мирт решил поинтересоваться было – как у него самого, у лекаря в штанах...

Но из летающей повозки, вход, или выход из которой четырехрукие бойцы определенно взяли под охрану, продолжили выходить другие разумные, и трактирщик переключил свое внимание на них. Отметил лишь, что четверка, где главным был, наверное, не мужчина, а альва, отступила в сторону, сгибаясь под тяжелыми сумами, и как-то обозначая свою чуждость в отношении всех остальных.

А из двери повозки прыгнули трое ребятишек, один из которых тоже определенно был альвом. Ну, а следом человек – обычный с виду; среднего роста и совсем не примечательными чертами лица. Только вот двигался он как-то особенно, ладно, чего Мирт, сам в далеком прошлом знатный боец, не мог не отметить.

– Еще и галантный какой, – проворчал он, – наверное, дворянских кровей.

Мужчина, или даже парень – на вид не старше двадцати-двадцати пяти зим – повернулся, и подал руку дамам. Четверым, и Мирт готов был поклясться, что ни одна из них, таких разных, не уступала своей красотой альве.

– Впрочем, – поправил он себя, – одна из них тоже альва. А две другие как раз не разные. Сестры, быть может, близнецы. Но какие-то необычные! Таких здесь тоже еще не было!

Две девушки, которые прыгнули на землю последними, были очень невысокими, смуглыми и узкоглазыми; но от этого в своей привлекательности совсем не потеряли. А Мирт переключил свое внимание на парня, который и направился первым к страже. О чем он мог говорить с ними? Мирт, даже не прислушиваясь, мог утверждать, что старший стражи, невысокий и широкоплечий Горбат, который только недавно прибежал сюда, в трактир, чтобы смочить свои усы – как он говорил – в кружке с пивом, пытается содрать с приезжих (точнее – прилетевших) как можно больше монет так, чтобы и у него в карманах что-то зазвенело.

А парень перед ним засмеялся, и даже не стал спорить. Подкинул что-то перед собой в воздух. Это «что-то» блеснуло желтизной, явно золотой, и исчезло в руке стражника. И тот, вместе со своей командой, расступился.

– Точнее, разбежались в стороны так шустро, словно сам герцог сюда пожаловал, – ухмыльнулся старый дарф, – впрочем, вряд ли им достался бы от Дайна Великолепного хоть медный грошик. Скорее – плетью по спинам их «порадовали» бы герцогские стражники.

Ну, а парень, так щедро разбрасывавший золотые монеты – на что весьма неодобрительно отозвались взглядами две красотки, пристроившиеся по его бокам – пошел прямо к крыльцу. И Мирт, встретившись с ним взглядом, отступил назад, к самой двери, позволяя и ему, и двум девушкам подняться на верхнюю площадку. Причем парень поднимался по ступеням так, словно этот трактир, и вообще все вокруг, принадлежало ему.

Мирт сглотнул внезапно возникший комок в горле, и попытался спиной открыть дверь; словно забыл, что она отворяется наружу. А в следующее мгновение почтенный трактирщик шумно, и очень облегченно выдохнул. Потому что парень улыбнулся, отчего черты его лица, только что суровые и жесткие, стали вполне доброжелательными. Он спросил; или утвердил:

– Так это и есть трактир уважаемого дядюшки Мирта, о гостеприимстве которого, и великолепной кухне с восторгом отзываются все искатели, которых я только встречал в развалинах?

Мирт кивнул; он вдруг понял, что парень этот не соврал ни в одном слове. Откуда было знать старому дарфу, что этот человек в развалинах встретил лишь один сквайд искателей, от которого, к тому же, мало кто остался в живых. Профессионализм, многолетний опыт работы все же взял в трактиршике верх. Он с достоинством поклонился, и спросил, разведя руками, и тем самым приглашая гостей:

– Да, уважаемый, я и есть Мирт. Трактирщик. И рад буду принять вас всех у себя. Только...

– Не бойся, – рассмеялся негромко парегнь, – мы к тебе всей нашей компанией вваливаться не станем. Решим кое-какие дела, и отчалим. О! – некоторые уже пошли искать себе другой приют.

Мирт перевел взгляд с его лица на улицу; действительно – обособившаяся еще раньше четверка во главе с альвой уже поворачивала за поворот дороги, ведущей к центру городка. Он вернулся взглядом обратно – парень на этот эпизод никак больше не реагировал. А сам трактирщик спохватился:

– Прости, молодой господин – не знаю твоего имени. О том, какие именно дела привели тебя, и твоих... людей в Борск не спрашиваю, но, быть может, я смогу тебе чем-то помочь?

Теперь Мирт, вполне успокоившийся, говорил обычным своим тоном; и опытный человек вполне мог продолжить его слова: «Не бесплатно, конечно». Нет, старого трактирщика не отличала исключительная жадность. Это была просто рачительность, и вполне привычный для этого забытого всеми духами уголка герцогства способ ведения дел. Можно даже сказать, образ жизни.

– Олег, – представился парень, – чуть склонив голову, – Олег Громов. Путешественник, так сказать. А еще я *duschepricastchik*.

– Кто?! – опять отшатнулся от него Мирт; прижался спиной к двери так плотно, словно сросся с твердым деревом.

Все, что было связано с душами и духами, а значит, с магией, всегда пугало его.

– Ну-у-у..., – протянул Олег Громов, путешественник, явно подбирая более простое и знакомое для собеседника слово, – поручили мне тут несколько дел завершить. Ну, и вещички кое-какие прибрать, отвезти к владельцам.

– Кто поручил? Какие владельцы?!

Это – без всякого разрешения – в разговор влез лекарь Дауд. Он обнаружился рядом, подпирающим одно с Миртом дверное полотно.

– Мира Ройт, – беззаботно улыбнулся парень, – ну, еще Артан, *gnom*, то есть дарф такой есть – слышали? И еще Гром, оркус.

Тут два старика – Мирт с Даудом – вскричали одновременно, с видимой всем озабоченностью. И дело было вовсе не в том, что обоим сквайд Миры Ройт задолжал кругленькую сумму; Мирту, так вовсе заоблачную. Но не это главное! Оба; а Мирт – абсолютно точно – любили Миру Ройт, суровую девчонку, которую все знали, как удачливую главу сквайда, как собственную дочь. И то обстоятельство, что она вместе со сквайдам не появилась в Борске, хотя все сроки возвращения вышли, а в городке стали появляться немногие искатели, отмеченные признаками тяжелых, неизлечимых болезней, которыми их «наградили» развалины, вселили в их потрепанные жизнью сердца тревогу, переходившую в безысходность. Хотя оба не заводили разговор на эту тему, про сквайд, для которого Мирт по-прежнему держал свободными четыре номера на втором этаже трактира.

– Где она? Где Мира?! Что с ней?!

Два старика, казалось, готовы были вцепиться своими руками, по-прежнему крепкими, в отвороты костюма Олега Громова. Он, кстати, был тут единственным, одетым не в единообразные облегающие одежды. Даже дамы были одеты непривычно и очень вызывающе. Вот одну из них, альву, Олег и вытолкнул вперед, к старикам, со словами:

– Твой выход, Эльвира. Интересно будет посмотреть, как ты сейчас выкручиваться будешь!

Он хохотнул как-то злорадно, но совсем не зло, и отступил назад, остановившись на самом краю площадки. Мирт метнулся взглядом к полу, к сапогам, и даже каблукам парня – словно желал сейчас, чтобы тот оступился, и покатился с высокого крыльца вниз, на вытоптанную землю. Но тот стоял твердо, и улыбался теперь так, словно прочел эту мысль, неожиданное желание трактирщика; еще и ответил так же мысленно, взглядом: «А вот шиш тебе;

не дождешься!». Трактирщик даже помотал головой, словно выгонял чужие слова из нее. А когда сфокусировал свой взгляд на девушке, что шагнула вперед, то обнаружил, что она стоит вплотную к лекарю, и два этих разумных не отрывают друг от друга взглядов.

– И рук тоже, – проворчал едва слышно Мирт, смещая взгляд чуть ниже, – и что это означает? Может, у старого Дауда дочка объявилась? Согрешил когда-то давно этот... с альвой?

Обозвать как-то старинного друга Мирт не решился. А потом и вовсе выбросил все мысли из головы, оставив там только великое изумление; после слов этой парочки:

– Дядюшка Дауд... ты совсем не узнаешь меня?

И потом, после долгой паузы, неуверенные, запинаящиеся слова лекаря:

– Мира... ты ли это?

– Я! – даже визгнула альва, на миг прильнувшая к груди старого лекаря, принадлежности которого к какой-то расе не мог определить, наверное, и сам Дауд, – Олег, он узнал меня!

Она тут же отпрыгнула назад – прямо в объятия парня. Не попала. Точнее, Олег сам чуть сместился в сторону, и удержал альву, которую явно сбрендивший Дауд назвал Мирой, на краю крыльца, подхватив ее рукой за талию. А в другую его ладонь уже вцепилась вторая красotka, не из узкоглазых.

– Мира! – билось в голове, словно молотком по черепной коробке, – не может такого быть!

– Может, – парень словно опять прочел мысли в голове дарфа, – с женщинами такое бывает. Подкрасила там брови, подтяжку сделала. Ну, на крайний случай, к магу обратилась.

– Вот! – вскричал трактирщик; опять внутри себя, – магия! Я так и знал. И это относится...

– Ты – маг! – толстый палец дарфа ткнулся в сторону Олега Громова.

А тот не стал отказываться; пожал плечами, и сказал:

– А ты трактирщик; он лекарь, а вот эти ребята телохранители.

Он поочередно ткнул собственным, не таким коротким, и толстым, как у Мирта, пальцем в него, потом Дауда, и тех самых четырехруких бойцов, которые заняли места у крыльца так, что видели сейчас всех участников разговора. И Мирту от этих взглядов стало как-то неуютно. А еще его стало заполнять другое чувство – стыд.

– Не знаю, какая ты Мира, – проворчал он, вернувшись взглядом к альве, – но держать вас вот тут, на пороге, не дело. Входите, гости.

Он сделал шаг вперед и в сторону, увлекая за собой Дауда, и открыл, наконец, дверь. Куда первыми скользнули двое четырехруких, вблизи оказавшиеся весьма крупными разумными.

– Не такими, конечно, как Гора Банг, – стрельнул он глазами в сторону здоровяка, так поразившего его и Дауда сходством с главой сквайда, – но не хотел бы я попасть под горячую руку одного из них.

А парень, тем временем, повернулся к своим людям. Точнее, дарфам, оркусам и тому самому здоровяку.

– Прогуляйтесь пока, – разрешил он, – по магазинам пройдите; на рынок сходите. Тут ведь есть рынок (он не повернулся, но Мирт кивнул – в уверенности, что парень, маг, этот кивок как-то прочувствует)? Ну, вот – есть. Ах, да – денег у вас, наверное, нет?

Внизу все дружно замотали головами. А юный маг продолжил:

– Ну, золота вам давать не буду – отберут еще, – и сам засмеялся шутке; наверное, пред- ставил, как будут отбирать монеты у здоровяка, – где-то у меня серебро завалялось.

Он протянул вперед руки, с открытыми кверху ладонями, и на них появились мешочки; даже мешки, размерами так с его собственную голову.

– Иван, Каран – держите.

Бросок, и мешки – явно тяжелые, набитые туго, под завязку – сменили владельца. Один оказался в руках здоровяка, второй – у самого крупного из дарфов.

– Да, – добавил в спины уже повернувшейся команды маг, – кто-нибудь возьмите с собой пацанов – Ванна с командой. Хотя бы и ты, Ваня. Отвечаешь за них. Вернетесь сюда через... (он застыл – словно рассматривал что-то невидимое перед собой) два tchasa. Пойдем expropriirovaty expropriatorov.

На эти странные слова вытаращил глаза даже здоровяк, Иван, он же Ваня, к которому они и были обращены. А маг засмеялся, явно забавляясь этой сценкой, а потом пояснил:

– Трофеи пойдем собирать. Законные.

– Трофеи – это хорошо, – прогудел гигант, опять показывая, что к писклявоголоsumу Горе Бангу не имеет никакого отношения, – будем здесь ровно через два tchasa. Ровно в двенадцать.

И он тоже застыл, разглядывая перед собой невидимое.

– Вот и хорошо! – кивнул ему Олег, и вошел все таки внутрь трактира; и тут же заявил, остановившись на пороге, – а впрочем, ничего хорошего.

Дядюшка Мирт, шагнувший вслед за ним, а потом в сторону – чтобы не снести собой некрupное тело мага – обиделся. Он по праву гордился своим трактиром; каждой дощечкой в нем, тяжелыми столами и скамьями; немногими артефактами Ушедших, среди которых почетное место занимал визор, закрепленной на левой, от входа, стене. Как оказалось, у мага претензий к интерьеру первого этажа трактира, который дарф шлифовал долгие годы, не было. А вот другое...

– Такое ощущение, что вернулись в развалины, – сообщил Олег, заметно пошмыгав носом, – признавайся, старина – что из артефактов принесли тебе искатели в последнее время?

– Артефактов нет, – объяснил прежде хозяина трактира лекарь, – а вот сами искатели есть. Больные. Думаю, до утра кто-то из них не доживет. Тут даже опытный маг-целитель не поможет.

– Олег...

Это альвийка, самозванка, вдруг прильнула к парню с таким выражением лица и просящим голосом, что даже Мирту стало ясно – девушка эта просит за искателей, и верит при этом, что маг может им помочь. Тот сразу не ответил, и Мира – почему-то дарф назвал альвийку так – повернулась к нему; с вопросом:

– Кто там? Чей сквайд?

– Корбид, – ответил трактирщик, – и с ним трое.

– Олег... ты... мы ведь тоже...

Это уже вторая красавица повернулась к магу. А лицо того на мгновение стало суровым, даже страшным. Дарф на полном серьезе пообещал себе проверить чуть позже – не испачкал ли он в этот момент штаны. А маг внезапно успокоился; хотя в голосе его ощущалась сталь:

– Маша, не забивай себе голову ерундой. В том, что случилось, вина только Фаркада Албама. А еще раньше тех, кто расстрелял эту планету с орбиты. Ну, и эльфов... альвов, прежде всего. А искатели... ну, что ж – пойдем посмотрим.

И он зашагал к лестнице, ведущей на второй этаж, и по ее ступеням – первым. Дарф попытался было забежать вперед, чтобы показать дорогу, но маг отмахнулся, и трактирщик словно наткнулся на невидимую стену. Которая, впрочем, двигалась вместе с шагавшим как-то мягко, по-кошачьи, парнем. Теперь даже четырехрукие охранники не захотели, или не смогли проверить безопасность пространства впереди него. А Олег остановился как раз напротив последней в коридоре двери, за которой и располагался временный лазарет. Покачал головой, и открыл дверь. А попытавшегося было шагнуть вперед него четырехрукого гиганта снес в сторону движением руки. Еще и прикрикнул строго: «Не лезь поперек бабки в пекло!», – хотя был младше этого верзилы как бы не втрое. И опять парень удивил:

– Ты, Дан, вроде умный парень, вчетверо старше меня, и много повидал. И что такое radiasiya, знаешь не хуже меня. А лезешь, словно у тебя природная защита от этого дерьма имеется. Или скафандр высшей защиты одел. Никому сюда не входить. Всем понятно?

Он повернулся, и строго оглядел небольшую толпу, которая жидкой цепью перекрыла коридор. Потупились все; а старый Дауд даже побледнел. И парень это явно отметил. Расположил перед собой руки, и завертел пальцами, несколько раз изобразив ими такие движения, словно выдергивал что-то из воздуха перед собой. На лице лекаря, с которого трактирщик не спускал глаз, бледность при этом сменялась растерянностью, а потом великим изумлением. Он явно «видел», что творит сейчас маг.

А тот закончил – Мирт отсчитал два десятка ударов сердца – и послал в сторону пожилого лекаря какую-то волну. Тут даже дарф вроде увидел, как к груди прилипла, и тут же растворилась в теле, просочившись сквозь халат, едва заметное облачко зеленого цвета. И лицо Дауда, в последние дни посеревшее от усталости и, наверное, тяжких дум, как-то посветлело; даже глубокие морщины разгладились. Лекарь словно помолодел на пару десятков зим.

– Я тоже хочу! – завопило все внутри дарфа.

А маг на этот призыв старика-трактирщика почему-то реагировать не стал, хотя тот уже уверился, что Олег легко читает его мысли. Он лишь усмехнулся, и с хорошо заметно гордостью проронил:

– Среднее целительское плетение. Однако, личный рекорд установил – в minutu вписался. Только вот для этих парней этого будет недостаточно. А сидеть рядом с ними целую декаду я не подписываюсь.

– Ну, Оле-е-ег..., – протянули сразу две красавицы.

– Ладно, – не выдержал их объединенного напора парень, – что-нибудь придумаю. К тому же, думаю, таких пациентов может прибыть. Не очень много и долго...

– Почему? – тут же подступил к нему лекарь, явно прибавивший в жизненной силе и энергии, – почему недолго? И почему немного?!

Маг к этому времени достал – тоже откуда-то из неведомого пространства – какой-то бокал, с зеленым порошком внутри, и разглядывал это содержимое; чуть ли не принюхивался.

– Потому что вот они, – он ткнул рукой в чуть приоткрытую дверь, – попали под самый мощный удар силы... скажем так. Который схлынул очень быстро. Скорее всего, эти «счастливики» (опять ткнул он в дверь) немногие из тех, кому действительно повезло – они находились достаточно далеко от эпицентра взрыва. А всех остальных можно не ждать.

– И что теперь? – лицо Дауда стало растерянным.

– А ничего, – маг улыбнулся, словно не сообщал о страшных вещах, – развалины и сейчас опасны. Ну, так они такими и были. Так что, искатели будут ходить туда, а ты, уважаемый, будешь по-прежнему снабжать их своими пилюлями. Bisnes, однако. Все – не мешайте.

Он открыл дверь пошире, и зашвырнул внутрь комнаты содержимое бокала. Дарфу даже показалось, что он каким-то образом дунул. Хотя губы мага не шевельнулись. Однако трактирщику с его места было хорошо видно, как мельчайшая пыль зеленого цвета разлетелась, заполнила все пространство небольшого номера. А потом – в одно мгновение, после странного жеста мага – исчезла. А бокал у него в руках опять был полон. Недолго. Исчез, а сам парень повернулся к остальным. И на лице его дарф прочел теперь изумление.

– Не думал, что получится, – сказал маг озадаченно, а потом очень довольно добавил, – растем, однако.

Потом подмигнул всем, и шагнул внутрь лазарета, распахнув дверь теперь широко, и приглашая желающих присоединиться к нему. Не отказался никто. Теперь четырехрукие, старший из которых – тот, которого маг недавно отчитал – выглядел очень недовольным, разбежались по углам комнаты. А дарф только теперь отметил, что один, точнее, одна из них была женщиной. Почему-то ухмыльнулся – представил себе, как его обнимают сразу четыре руки. Ну,

и маг предсказуемо улыбнулся; словно вернул себе способность ковыряться в чужих головах. Впрочем, тут же объяснил:

– Ничего я не читаю, уважаемый. Просто ты так жадно смотрел на то, как Зита, вон так четырехрукая красавица, занимает свой угол... даже облизнулся...

Теперь все охранники глядели недобро; на него, дарфа. Или двое все же улыбались, стараясь не показывать этого?

– Ну что ж, – вздохнул юный маг, возвращая внимание всех к той цели, которая и привела их сюда, – начнем, пожалуй.

Смотреть за его волшебной магией было интересно; захватывала эта целительская магия не на шутку. А сам целитель не очень-то, кажется, и устал. Но вот на подмогу себе призвал – очень необычных помощников. В какой-то момент он замер, не в первый раз сегодня, и улыбнулся:

– Видели бы вы сейчас лица стражников!

Впрочем, дарф догадался, какими ошарашенными выглядели Горбат, и его десяток, и сам едва не выскочил из комнаты в окошко – когда в ней появились действующие артефакты Ушедших. Так он назвал двух громадных стальных пауков белого цвета, которые затащили внутрь какой-то гроб – именно за этот скорбный предмет принял трактирщик другой артефакт – длинный, вместительный, тоже белоснежный.

– Не весь, – пригляделся он после того, как несколько успокоился, – одна сторона у него прозрачная.

А «пауки» ловко орудовали своими суставчатыми руками. Подтащили к окну артефакт, который явно был предназначен для того, чтобы помещать внутрь, в такое же белоснежное ложе, разумных. И стали что-то крутить, приворачивать, присоединять.

– Это целительский артефакт, – начал объяснять маг, – называется лечебной капсулой. Работает на ак... впрочем, это не важно. Главное – может проработать пару седмиц без перерыва.

– А потом? – ввернул Дауд, как лицо больше всех заинтересованное тут.

Вернее, больше всех, конечно, в артефакте были заинтересованными четверо больных, которые сейчас спали, и выглядели почти здоровыми. Но задавать вопросов, и получать ответов они, конечно, не могли. А вот Дауд получил – не совсем тот, которого ожидал.

– А потом кто-то придет, и просто отберет этот артефакт, – пожал плечами Олег, – или не так?

– Так, – первым кивнул дарф; он даже прикинул, кто придет отбирать артефакт первым; и кто, скорее всего, донесет, – и не жалко тебе его тут оставлять?

– Не жалко, – отрезал маг, – у нас еще есть. А этот... считай, что списали. Он свое отработал. Пусть тут останется, уважаемый лекарь. Я тебе, Дауд – не знаю, как тебя по батюшке – объясню, как им пользоваться. Ну, и расходников оставлю. А остальные...

Его взгляд остановился на хозяине трактира, и тому почему-то стало стыдно – словно парень уже высказал какие-то претензии.

– Тут кормить будут? – заявил Олег, – мы вообще-то сюда завернули кухню оценить. А уже потом с долгами и скарбом разбираться. Что? Не будут?!

Теперь маг явно уловил внутренние метания дврфа. Трактирщик не выдержал, и повинулся; рассказал о проблемах с поварями, и о том, что предложить сможет только холодные закуски, ну и вино.

– Или пиво, – спохватился он, – пиво я сам варю. Оцените!

– Да, – маг поднял голову к потолку – словно пытался прочесть там что-то, – Артан хвалил. Так и быть, попробуем. Все – валите отсюда.

Дарф почувствовал, что какая-то непреодолимая сила потащила его из комнаты, и дальше – на кухню. Хотя никто его за рукав просторной рубахи, и за полу фартука, кото-

рый тоже мог похвалиться своей белоснежностью, не хватал, и вниз не тащил. Но очнулся он именно там, уже открывающим глубокий подпол, где и хранились мясные деликатесы и головы сыра. Ну, и бутылки с вином, конечно. Бочонки свежего пива уже были наверху, под стойкой, по которой он так любил пристукивать полными кружками с пивом, а еще больше – собирать с нее монеты.

А когда он поднялся из подполья, с полными руками, еще два многоруких артефакта тащили тяжелый и объемный шкаф. Именно за этот предмет мебели принял он огромную коробку зеленого цвета. А железные монстры хозяйничали в его трактире, словно именно они были тут хозяевами.

Четыре девушки, занявшие уже столик в углу («Любимое место сквайда Миры», – вспомнил к месту трактирщик) о чем-то негромко переговаривались, и посмеивались. А увидев ошарашенное, растерянное лицо дарфа, и вовсе залились смехом. Одна из них – та, что назвала себя одновременно Мирой, и... Эльвирой, кажется, легко вскочила с места, и подошла к стойке. И уже здесь, опершись таким знакомым для Мирта жестом, начала объяснять:

– Это артефакт для еды, синтезатор, дядюшка Мирт. Олег почему-то решил, что он тебе понадобится. Правда, не сказал, как надолго... Ага – вон он сам идет.

Она повернулась, и пошла – сначала к парню, что спускался по лестнице, а потом, вместе с ним, к столику. Четверка охранников заняла соседний стол. А дарф уже отвернулся от них, полностью погрузился в привычную работу – резал, наливал, носился от стойки к столикам, и обратно. До тех пор, пока маг, не заявил, погладив себя по костюму, по животу.

– Ну, вот – наелся, теперь и в бордель можно сходить.

– В бордель!!!

Сразу две разъяренные фурии нависли над ним. А через мгновение к ним присоединились еще две – крошечные и узкоглазые. С видимой опаской, но все же...

А опытный трактирщик поспешил скрыться в подсобной комнате.

## Глава 2. Олег Громов и команда. В Борске

– А что здесь такого? – Олег картинно пожал плечами, – молодой интересный мужчина. Поел, поспал... куда ему еще идти? Кинотеатров тут нет, футбола тоже... Только в бордель!

Тучи над его головой в виде двух разъяренных фурий – Маши с Мирой-Эльвирой – сгустились. Одна часть их, эльфийская, зашипела – прямо в ухо парню:

– Поспал, говоришь? Это так теперь называется?!

Громов довольно улыбнулся; про себя, конечно – иначе мог действительно схлопотать по макушке, а кулачок у Эльвиры был маленьким, но весьма жестким. Он вспомнил сегодняшнюю ночь, в которой, вообще-то спать почти не пришлось. А как заснешь, когда две роскошные красотки буквально на руках утащили его в бассейн, а потом в кровать, которую можно было разложить...

– Вот насколько хватило свободного места в комнате, на столько и разложили, – теперь Олег улыбнулся уже неприкрыто, и зажмурился, как кот, объевшийся сметаны.

Сам он, впрочем, объевшимся себя не считал; больше того – немного гордился тем, что этой ночью не пришлось прибегать к помощи магии. Ресурсов собственного, молодого организма хватило, чтобы не посрамить чести сильной половины этого мира. А когда усталые, но очень довольные красавицы уснули, разметавшись на ложе, Громов еще и пару часиков урвал в тренажерной капсуле. Сам не ожидал такого от себя.

– Наверное, капелька мазохизма во мне все-же есть, – вспомнил Олег эту тренировку абордажника, и сержанта Никифорова, который руководил ею.

Зато энергии в нем с утра бушевало – целый океан. Вот он и расходовал ее потихоньку. Сначала на пикировку со стражниками, на въезде в город; потом на разговор с двумя почтенными стариками, которые оказались именно такими, какими их рисовала в своих рассказах Мира Ройт.

– Даже лучше, – удивился Громов, когда узнал, что четверых искателей, пораженных лучевой болезнью в последней стадии, трактирщик Мирт содержит бесплатно; и так же задаром, не ожидая отдачи, их лечит по мере сил лекарь Дауд.

Именно потому, что не ожидал здесь такого благородства и самоотдачи, Олег, в первую очередь, и согласился помочь этим несчастным. А там и сам загорелся – ведь каждое применение магии, к какой бы ветви искусства она не относилась, было хорошей тренировкой его способностей. Времени на развитие которых у него катастрофически не хватало. А вот капсула, а потом и синтезатор, которые притащили и разместили в трактире расторопные дроиды, несколько выбивались из общей картинки; не несли, казалось, рационального зерна, которым обычно отличались его действия. И его обмолвка – о том, что артефакты эти скоро отберут – была вполне осознанной. Олег действительно списал уже эти ценности, для Борска очень значительные, в безвозвратные потери.

И теперь даже немного гордился собой; понял, что в эдакого «Плюшкина» он не превратился, и что золото, артефакты и другое богатство для него не самоцель, а средство – ради достижения целей.

– Осталось еще эти цели определить, – подумал он, резко вскидывая голову.

На звук – на негромкое хихиканье, которое никак не ожидал от этого вот небольшого розыгрыша с борделем.

Смеялась Маша; все громче, и громче. Наконец, она не устояла – словно лишилась сил – и рухнула на скамью, уже всхлипывая.

– Ты чего?!

Теперь грозовая туча в лице Эльвиры нависла над ней. А Маша, сквозь остаточные порывы смеха, тянула руку в сторону Громова. И дотянулась-таки, ухватив за руку, и так объяснила свой неожиданный приступ веселья:

– Ты что, не поняла, что он нас разыгрывает? Смеется! И никакого борделя на самом деле нет... или есть?!

Пальчики девушки, не менее цепкие, чем у эльфийки, принялись выкручивать теперь ухо; точнее, обозначать это. Все же девушка ждала от Громова именно того ответа, который должен был успокоить и ее, и новую подругу. Но поначалу все же почти вонзила острые коготки в плоть; когда Олег начал объясняться:

– Вообще-то, бордель есть. Даже два. Ой! – больно же! – Машина рука расслабилась; девушка даже не поняла, по какой причине, а Олег, ухмыльнувшись, продолжил, – одним командует некая Элза. Он нам неинтересен. Девочки там... ну, это не важно. А во втором, для благородных, или тех, у кого в карманах звенит не медь или серебро, а золото, хозяйкой числится какая-то Мандалина.

– Числится? – сразу ухватила суть Маша.

– Да, – Олег оглянулся; убедился, что рядом с их столом никого нет, и махнул рукой, окутывая ближайшие метры пространства пеленой простейшего плетения тишины, – числится. На самом деле хозяином этого заведения является... являлся Гора Банг. Там же он хранил свои сбережения. В том числе и очень интересные вещишки. Вот, думаю наведаться туда; за наследством, так сказать

– Мы с тобой! – почти синхронно выкрикнули молодые женщины.

Олег лишь пожал плечами – куда я без вас? Хотел еще пошутить на тему того, что в заведении для благородных работали и «мальчики», для состоятельных женщин. Потом потрогал ухо – то, что еще не покраснело, и не саднило чуть-чуть, как другое, и решил об этом не говорить; хотя сам факт имел место.

– Вот сейчас дождемся Ваню с ребятами, и пойдем, – сказал он, разваливаясь на скамье, у которой не было спинки.

– А зачем ждать? – это вскочила со своего места Маша, – пойдем прямо сейчас. Найдем твоего Ивана на базаре. Не затерялся он там, я думаю.

– Это да, – кивнул Олег, поднимаясь следом, и подавая руку Эльвире, которая чуть замешкалась, – такому затеряться трудно. И я очень удивлюсь, если нам по пути не встретится парочка разбитых носов.

– Хорошо, если это будут только носы, – кивнула, соглашаясь, Маша.

Олег, оказавшись на улице, совсем не заморачивался на тему – пристало ли таким важным особам, как могучий маг, и две его хорошенькие спутницы, передвигаться по улицам города пешком. Лошадей, что они захватили у сквайда Горы Банга, который прекратил свое существование вот уже как несколько дней, пришлось оставить в лесу. Распряженных, обихоженных...

– И свободных, как ветер, – сообщил всем Олег, легонько хлопнув по крупу последней, кого он погнал с поляны, – если только они не попадутся в руки новых хозяев. Ну, так у них, я думаю, лошадам будет лучше, чем у нас.

Оказалось, что хоть какое-то представление о домашней скотине в команде имеет только он; и то лишь теоретическое, из кристаллов, в которых были записаны воспоминания разбойников, и короткого институтского курса. Остальные же даже подойти к лошадям отказались. И прежде всего Эльвира, которая, несмотря на то, что обрела новое тело, утверждала, что помнит каждый момент негативных ощущений и эмоций, пережитых на жесткой конской спине Мирой Ройт.

Сейчас же Олег даже наслаждался неспешной ходьбой, разглядывая не очень эстетичное, и, скорее всего, совсем не комфортное жилье горожан. Здесь, на окраине Борска, теснились

какие-то хибарки, видневшиеся за высокими заборами. Что-то интересное стало попадаться ближе к центру. А именно – и дома посolidней, и какие-то лавки, на которых не было привычных Громова вывесок.

– Догадывайся, как хочешь, – лениво размышлял Олег, шагая прямо по середине улицы мимо одной такой лавки, – никакой рекламы! Хотя, наверное, тут каждый знает друг друга в лицо, не говоря уже о такой важной детали городской жизни, как торговля. Ага – а вон там, кажется, и находится рынок.

Впереди слышался гул голосов, перемежаемый резкими выкриками; как понял юный маг, именно так и выглядела здешняя «реклама» – каждый торговец пытался перекричать остальных. Но вот какой-то крик, отчаянный, наполненный болью, прорезал пространство впереди так, что все остальные пропали. Люди – и торговцы, и покупатели, и праздношатающиеся, которых, как предполагал Олег, в толпе на широкой площади, что открылась их взглядам, было больше всего – замолчали. Вслушивались в этот крик, и радовались (это тоже было предположением Громова) тому, что издают его не их горла.

Креаты, до сей поры безмолвно и бесшумно скользившие по краям улицы, взяв охраняемую персону и ее сопровождение в коробочку, разделились. Двое, и Зита в их числе, пристроились прямо за спинами Олега и Маши с Эльвирой. А более крупная фигурами пара ввинтилась в толпу, образуя перед магом и его спутницами достаточно широкий коридор. Кто-то там, впереди, попытался огрызнуться; замахнулся даже было. Но вид здоровенных, да еще и четырехруких гигантов, работающих сразу двумя парами кулаков каждый, и явно готовых сменить их на другое, более смертоносное оружие, остудил горячие головы местных жителей. Теперь внимание толпы разделилось – между точкой, где никак не прерывался бесконечный вопль, и острым живым волнорезом, который разрубал людскую массу на две части. К своей персоне Громов пока внимания не ощущал. Здесь тоже, как оказалось, можно было тренировать свои навыки. Всю толпу он ощущал сейчас как огромный живой организм; сплошное ментальное поле, сложенное из отдельных устремлений, чувств, желаний. Каждое из которых Олег мог сейчас выделить, и проникнуть в его суть; определив самое главное в ней, с позиции угрозы и полезности.

Пока же этот многоголовый организм наблюдал, как две точки интереса медленно, но неуклонно приближаются друг к другу. Точнее, приближалась та точка, острием которой были два креата. А вопль, глотка, исторгавшая его вместе со всем телом, и те, кто заставил его так надрываться, не двигались. Наконец, они объединились.

Дан с Красом рванули вперед и в стороны; Зита с Пардом тоже чуть отступили, опять образуя с первой парой коробочку. А посредине ее оказались Олег со спутницами. Ну, и Иван тут обнаружился. Впрочем, Олег его возвышающуюся над толпой голову обнаружил еще раньше. А еще – его руку, которой он держал на весу за ногу какого-то мужика. Все орки, и трое мальчишек были тут же, но присутствовали скорее в роли зрителей; в первом ряду. Олег было удивился – что это мужик, который явно принадлежал к сливкам местного общества, судя по богатому наряду, так громко орет? Потом в очень короткую паузу, которую этот господин сделал, чтобы набрать воздуха для продолжения вопля, маг расслышал, как трутся друг о друга берцовые кости в том месте, где ногу ухватила громадная лапа Ивана. Скорее всего, кости эти были сломаны, и сейчас их острые обломки безжалостно рвали мышцы и жилы несчастной жертвы.

– Отпусти, – велел Олег, и стальные пальцы гиганта тут же разжались.

Мужик упал на утопанную землю рыночной площади, и заскулил, скрючившись в позу эмбриона. Громов опять удивился – как это он не потерял сознание от такой боли? Автоматически сплел малое целительское плетение, бросил его в фигуру на земле, и только потом спросил, кивнув на жертву:

– За что ты его так?

– Деньги украли, – пожал могучими плечами Иван, – весь мешок, который ты мне дал, капитан.

– Он украл?

Олегу действительно не было жалко человека, который скорчился у ног мага, и его кровника. Да и интерес был каким – то... не очень жгучим; в отличие от того, что исторгала из себя толпа. Вот такая тут была жизнь – грубая, жесткая, а порой очень жестокая, и очень бедная на развлечения.

– Нет, – прогудел, широко улыбаясь, Ваня.

– Свидетель? – сделал еще одно предположение Громов; дальше его фантазия забуксовала.

Если быть точнее, это происшествие совсем не заинтересовало его – мыслями он был далеко отсюда; точнее, в пространстве не очень далеко – нужный адрес находился кварталом дальше.

– Он тут, на рынке, самый главный, – объяснил все же Ваня, – сейчас вторую ногу ломать ему буду. А потом еще что-нибудь – пока деньги не вернут.

Олег, несколько ошарашенный таким методом розыска, нагнулся, поднял с земли чужой кошель, явно выпавший из кармана местного смотрящего, и высыпал его содержимое на ладонь. Даже ему, далекому пока от соотношения местной валюты (заглядывать в воспоминания разбойников откровенно было лень), было понятно – золото, что сейчас лежало на ладони (а два желтых кругляка даже упали на землю), своей ценой далеко перекрывало пропажу.

– Нет, – мотнул головой Иван, явно примеривавшийся к той самой ноге, о которой он только что говорил; незнакомец на земле заскулил громче, – мне мой мешок нужен. Который ты мне дал.

– Аргумент, – кивнул Олег.

Он обвел взглядом толпу, и люди (и нелюди тоже) отступили. А сам маг выцепил из общей массы разумного, который буквально пылал эмоциями; тут явно был личный интерес.

– Ну, и дурак, – подумал Олег, – бежать тебе надо было отсюда. А ты захотел и рыбку съесть... в смысле, мешок с деньгами, и... ну, и все остальное...

Насчет мешка с серебром – это было уже не просто предположение. В котомке, что этот разумный, в крови которого явно прослеживались эльфийские корни, и уши, чуть длиннее, чем у окружающих его, это подтверждали, проглядывались слабые, но вполне узнаваемые крохи аурного присутствия. И Ивана, и его самого, Олега Громова. И последнее магу очень не понравилось. Оставлять вот такие следы, бездумно, было не самым лучшим поступком. И пусть сейчас именно они позволили быстро, практически влет, определить воришку, Олег пообещал себе поработать над этим моментом. Потому что предполагал, даже знал, что в этом мире есть огромное количество магов, куда сильнее его. И еще предположил, что скоро многие из них могут занять большой такой зуб на него, Олега Громова. Потому, наверное, мысленный приказ он к вору послал излишне резко.

Полуэльфа словно выдернула из толпы невидимая ладонь – огромная и беспощадная – и бросила его на колени перед магом. Парень все же поморщился; вот к такой картинке, когда перед ним падают на колени, он не привык.

– И, надеюсь, никогда не привыкну, – подумал он; а воришке велел, – встань и отдай то, что тебе не принадлежит.

Лицо вора ходило ходуном; кажется, каждая часть этой красивой физиономии сейчас жила отдельно, и это было достаточно безобразным зрелищем. Несчастный сорвал с плеча котомку, потом дернул за шнур – тот сначала затянул горловину мешка, а потом с треском лопнул. И рука вора протянула магу злосчастный мешок. Толпа вокруг не ахнула, но Олег уловил, как по ней пронеслась волна эмоций, состоящей из изумления, восхищения, зависти...

больше всего, впрочем, в ней было предвосхищения нового зрелища. Как определил Громов, разумные сейчас, растерявшие, впрочем, большую часть разумности и самых лучших своих качеств, ждали развязки – очень печальной для вора.

– А вот фиг вам, – успокоился Олег.

Он кивнул на Ивана, на его руку, которую тот так и держал на весу, не успев подхватить с земли несчастного смотрящего этим рынком.

– Если это действительно он, – почему-то злорадно ухмыльнулся Олег, – но это пусть останется на совести Ивана.

А тот, приняв в ладонь тяжелый кошель, спросил:

– А с этим что делать?

Показал, естественно, на воришку.

– Ничего! – теперь пожал плечами Олег, ощутив как изумленно и разочарованно выдохнула общим сознанием толпа, – пусть с ним вот этот товарищ разбирается. А пока... дуй отсюда, парень.

Он кивнул сначала на стонающего уже совсем тихо разумного на земле, который вряд ли сейчас был готов выступить в роли судьи, или даже палача, а потом воришке. И тот действительно «дунул»; исчез так быстро, что Олег даже восхитился. И все – расслабился, развеял ментальное плетение, которым впервые в своей практике раскинул на такую большую площадь. И еще раз кивнул Ивану: «Шагай за мной».

Пошли, кстати, все, кого Олег отпустил прошвырнуться по городку, по торговым рядам. И гномы тут обнаружили, всей семеркой, и тройка пацанов.

– Куда же без них, – ухмыльнулся Олег, успев потрепать по трем макушкам – двум вихрастым, и одной вполне приглаженной, эльфийской, – особенно в борделе им самое место.

На ходу он инструктировал Ивана, которому разрешил втиснуться между собой и Эльвирой. Впрочем, та не сильно возражала – ведь и между этими разумными была кровная связь; через Олега, конечно.

– Допрашивать умеешь, молодец, – даже похвалил Громов гиганта, от чего тот как-то смущенно улыбнулся, – только впредь попробуй сначала словами поспрашивать. Вот как сейчас – там, куда мы идем.

– А куда мы идем?

– В бордель, – не стал скрывать Громов; за спиной послышался сдержанный, но явно радостный гул, – но в него войдем только мы с тобой... ну, и Маша с Эльвирой.

– Сначала мы, – бросил в пространство Дан, не поворачиваясь к нанимателю.

– Без проблем, – согласился Олег; его начала напрягать вот эта отчужденность креата, граничащая даже со злостью, – мы, кстати, пришли. Вот тут и находится заведение мадам Мандалины. Какое забавное, кстати, имечко. Соответствующее, так сказать.

Дом тут был трехэтажный, с подновленным недавно фасадом. Краски при ремонте не пожалели, и дом своими ярко-красными стенами выделялся среди прочих на улице, таких же многоэтажных; буквально кричал о своей исключительности. Дверь в здание вела прямо с улицы. И стояли у нее не красотки во фривольных одеяниях, как можно было ожидать, а два мордоворота, вооруженные толстыми и длинными дубинками. Их лица; слабозеленый оттенок кожи, и клыки, торчащие из-под губ, хоть и не очень сильно, указывали на большую часть орочьей крови. И смотрели они на проходящих мимо горожан, а теперь и подходящую неспешно команду Громова очень неприветливо. Но – до тех пор, пока не увидели Ивана. Тут они поклонились, и синхронно шагнули в стороны, освобождая проход. Один даже успел дернуть за ручку двери, открывая ее. Туда, как и обещал Дан, рванули две стремительные тени. И почти сразу же послушался какой-то шум, металлический звон. Олег почему-то представил себе, что это какой-то кувшин, или блюдо опускается на голову Дана.

Потому, наверное, не спешил войти внутрь. Ну, и другие молча ждали. Наконец, он кивнул оставшейся тут паре креатов: «Пригляните за этими!», – имея в виду орков, местную охрану. А сам вошел внутрь, на этот раз отступив от этикета, и не пропустив внутрь дам. Картина внутри несколько напрягла его. В полутьме, которая наступила тут, очевидно, после того, как большая часть подсвечников оказалась на полу вместе со свечами, были видны какие-то тела, валявшиеся на полу без движения, и две четырехрукие фигуры, одна из которых сильно раздалась в объеме.

Огонь от свечей, кстати, сейчас жадно «облизывал» ковер, и одеяние какой-то фигуры, лежащей на диванчике слева. Громов напрягся, скастовав двумя руками одновременно два разных плетения. Получилось! Одно из них, с голубой нитью воздуха, метнулось к языкам огня, одним мгновением втянув из них жизнь. Ну, а второе относилось к магии огня, и представлено было четырьмя крупными шарами, которые разлетелись по углам залы, и осветили ее всю, до последнего уголка.

Олег прежде всего рассмотрел Дана, который держал на руках какую-то девочку. А потом и второго креата, который раздувал в бешенстве ноздри, и готов был, кажется, прямо сейчас пустить в ход бластеры, которые держал в верхних руках. Нижними он сжимал короткие абордажные сабли. А вот в женщине на диване, платье которой слегка дымилось, Громов узнал саму Мандалину, фиктивную хозяйку борделя. Все остальные присутствующие, а таких Олег здесь насчитал пятерых, валялись на полу с разной степенью повреждений. Особенно сильно, как понял Олег, досталось толстячку в богато вышитом золотом халате, который никак не мог отреагировать на появление на сцене новых действующих лиц.

– По той причине, что кто-то, скорее всего, один из креатов, свернул ему шею, – решил Олег, обнаружив, что энергии Жизни в этом теле нет ни капли; вслух же он спросил, не обращаясь ни к одному из креатов персонально, – за что ты его так?

– Девочку он возжелал, – глухо ответил Дан, чуть напрягая сразу четыре руки, которыми он прижимал к себе хрупкое тельце, – вот эту. Даже успел заплатить – целый золотой, до вечера.

– Думаю, она просто не дожидаясь до этого самого вечера, – внешне вполне спокойно заявил Громов, – давай-ка ее сюда.

Не шагнул сам – подтолкнул вперед Машу с Эльвирой. И среднее целительское плетение накрыло девочку после того, когда она вцепилась уже в эльфийку; та оказалась шустрее.

– Ну, что ж, – кивнул маг, – тут вы молодцы, вовремя успели. А теперь наш ход. Иван – тащи эту... за мной.

Он сам пошел вперед; в путанице коридоров разбирался не хуже хозяйки. И на ходу решал вопрос – что делать с этим заведением? Парень, родившийся и выросший на Земле, в России, сейчас требовал от самого себя разгромить тут все без остатка; после того, конечно, как приберет трофеи, а потом...

– А потом тетку эту укоротить на голову, – отвечал парню маг и капитан бота, – а девушек с «мальчиками» на улицу. И куда они пойдут? И та девочка, которую так отважно спасал Дан? А тут, быть может, еще дети есть – я не удивлюсь.

Таких подробностей Гора Банг не знал, а с ним вместе и Олег Громов. Это заведение для главы разбойничьей шайки служило не столько средством заработка, сколько логовом, куда этот хищный зверь в обличье человека стаскивал добычу.

– Золото... не помешает, конечно, но главное – артефакты, которые Гора собирал тут все эти пять лет. А некоторые и из столицы захватил; откуда ему пришлось спешно делать ноги. Вот там его тайники, скорее всего, обнаружили и приватизировали. Хотя... будет возможность, поищем.

Он шагнул вперед очень быстро; почему-то атмосфера в этом здании, пропахшем благоуханиями и тонким запахом пота, который, очевидно, пытались вытравить, не совсем успешно, давила на сознание. Хотелось погнать впереди себя стену очищающего огня. Но Олег сдерживал

вал себя; предполагал, что бордель, скорее всего, продолжит здесь свою работу. Может, с новой хозяйкой.

На площадке третьего этажа он остановился перед дверью, открыть которую пинком не удалось. Память Горы Банга подсказывала, что ключи от этой, первой, не самой крепкой преграды перед апартаментами главы сквайда, хранились у бандерши, Мандалины. Которую Иван как раз сгрузил со своего плеча, поставив женщину рядом с капитаном. Это была женщина далеко не старая; вполне миловидная еще – если бы не толстый слой косметики, размазанный сейчас по лицу, и выражение смертельного испуга, и какой-то обреченности на нем.

– Давай, – протянул к ней ладонь Олег.

Увы – связки ключей у нее с собой не оказалось. Но была готовность сбегать вниз, на первый этаж, и принести и ключи, и все, что пожелает господин.

Господин, он же Олег Громов, ничего от нее не пожелал; так же, как и ждать. Он нашел взглядом Дана – именно он в паре с Красом, да Иван с перепуганной женщиной сопровождали его сейчас. Маша с Эльвирой замешкались, склонившись над девочкой внизу; вместе с другой парой креатов. Громов кивнул четырехрукому:

– Она мне больше не нужна.

Тот удивился; даже, кажется, немного испугался.

– А я что буду делать с ней? – почти прошептал он.

– Не знаю, – безразличным голосом заявил Громов, – ты начал с ними разбираться, тебе и заканчивать. Да, собери потом всех обитателей там, внизу.

С этими словами он повернулся, и провел рукой по деревянной панели, под которой скрывался толстый лист металла. Недолго – там, где должен был располагаться замок. Едко запахло горелой древесиной и раскаленным металлом. А маг словно не замечал, что под его ладонью течет вниз, сжигая тонкий слой красного дерева, ручеек ослепительно яркого расплава. И толкнул он дверь, почувствовав, что она чуть подалась вперед, совсем не опасаясь обжечься. Наверное, если бы он сконцентрировал свое внимание на этом действе, все получилось бы не так быстро и безопасно. Теперь же Громов с удивлением посмотрел на свою ладонь, только оказавшись внутри небольшой прихожей, в которой были три двери – по одной на каждой стене. Ну, еще четвертая была, в которую он вошел, и которая словно сама по себе медленно захлопнулась, отрезая юного мага от сосредоточенного лица Вани, явно занявшего тут место караульного; женщины, теперь глядевшей с мольбой на креатов, ну, и их самих, явно не ожидавших от нанимателя такой подлянки.

– А как вы хотели, – злорадно подумал Олег, примериваясь к первой двери, – что я всю грязь буду сам вычищать? Вот постойте там, подумайте, чем обернется этот наш рейд для здешних обитателей. Жаль, что нельзя вас оставить тут. Из тебя, Дан, хороший держатель борделя получился бы.

Громов, конечно, понимал, что такая реакция его сознания не совсем нормальна; что перекладывать с больной головы на здоровую, а именно, на креата, не выход. И что, скорее всего, именно ему придется разгрести эти авгиевы конюшни. Но вот хотелось ему приступить к разорению гнезда Горы, такому восхитительному занятию, как сбор трофеев, с хорошим настроением, и все тут.

Первая дверь вела в жилые комнаты Банга. Олег представлял в общих чертах, что ничего интересного его там не ждет. Так и случилось – вполне заурядное жилище; скорее даже скромное для такого богача, каким был, несомненно, главарь разбойников, не пополнило сумки Громова ни одним трофеем. А он одну из них, левую, на двадцать кубометров внутреннего пространства, специально ночью освободил.

Вторая дверь, которую пришлось вырезать, словно автогеном, по всему контуру, вела в одну, но очень большую комнату. И заполнена она была сундуками; прямо как в той пещере Али-бабы, сказку про которого он обещал рассказать Маше. Олег открыл один, второй. Мог

и не открывать – золота в виде монет, и самых разных предметов; украшений и посуды – тут прибавиться не могло.

– С того момента, как сюда в последний раз заглядывал Гора Банг, конечно, – пробормotal он, прикидывая – убирать эти сокровища в сумку прямо так, с тарой, или все же постараться разместить в ней добычи побольше, а значит, без сундуков?

Решил, что такое сокровище, как время, тоже представляет для него ценность, и немалую. Потому в комнате начали исчезать сундуки и кофры – один за другим. И, к изумлению мага, они все поместились в сумке?

– Вот так дела?! – воскликнул он вслух – никто тут его услышать не мог – здесь же явно было больше двадцати кубов. Большая часть, конечно, дерево и сталь тары; ну, и пустое пространство в них. И где это ты, дорогая, успела подкачаться? И на сколько?

Сумка, естественно, ответить не могла. Ну, а сам Громов, подумав, решил:

– Пожалуй, только в том лесу, на полянке, где я выпустил наружу прорву черной энергии. Она поглотила жизнь сотен деревьев, зверей и птиц. Про траву с кустами я уже не говорю – как их сосчитать?! И куда все это в результате делось? Тогда я этот вопрос себе не задал. А ведь стоило – наружу, за пределы той половины гектара мертвого леса, ничего не вышло. Плюс на минус? Нет! – в магии такая арифметика не рулит!

С этими словами Громов вышел в коридор, и приступил к взлому последней двери. Тут броня была сродни сейфовой, но поддалась она воле парня даже легче, чем первые две двери. Потому что закрывалась и открывалась она с помощью магии. Тут поработал опытный артефактор, которому Гора в свое время отвалил целую кучу золота. И завязана была эта магия на личность самого Банга. Олег видел плетения, что хищными змеями таились внутри толстого слоя стали; в готовности броситься, и смертельно ужалить всякого, кто осмелится даже коснуться двери. Были они черного цвета, и сильно напоминали те, которыми сам Олег уже безбоязненно оперировал в своей лаборатории. Он даже вспомнил сейчас одну из голов, которые когда-то брал в руки в развалинах, в подземелье порталного комплекса. Тогда Громов не мог «читать» мысли разумных; иначе сейчас вспомнил бы встречу этого мага с Горой фактически с двух сторон – осознавая себя и Бангом, и тем самым магом-артефактором.

– Ваня! – дверь на негромкий крик капитана тут же открылась, и вместе с гигантом внутрь заглянули Маша и Эльвира.

Они куда-то уже подевали несчастное дитя, и сейчас, воспользовавшись моментом, скользнули в коридор, к Громову. А следом, после приглашающего жеста Олега, вошел и Иван. Он отчаянно смущался, когда капитан обнял его сзади, и принялся водить здоровенными руками по дверному полотну. Ну, удобнее было так магу вычерчивать нужное плетение ладонями, чье тепло и, быть может, папиллярные узоры на пальцах, помнила эта артефактная дверь. Самому же Громову не мешал тот факт, что лицо его упиралась в широченную спину Ивана; он прекрасно видел сквозь нее. И слышал – хихиканье девчат, очень впечатленных такой картиной. Даже, кажется, прозвучало негромкое: «Действительно, бордель...».

Наконец, дверь поддалась объединенному напору четырех рук. И все четверо разумных ввалились внутрь. Сам Олег прекрасно представлял себе убранство этой комнаты; небольшой, где разбойник хранил самое ценное – на его взгляд. Здоровяк застыл у двери; девушки заохали, открыв первый же ларец, из которого вынули, и стали примерять на себе украшения.

– Очень ценные, кстати, – думал Громов, – но они ничто, по сравнению вот с этими богатствами.

Он свернул от двери налево – там, на длинном столе, или верстаке, тянувшемся вдоль стены, были разложены артефакты; отдельной кучкой были сложено то, что имело отношение к Древним.

– Настоящим Древним, – уточнил Олег, начав сбор трофеев именно с этой кучи, – а неплохо в них разбирался Гора.

Разбираться сейчас с каждым из артефактов Олег не пожелал. Покидал все в сумку, задержав руку лишь перед небольшим, абсолютно черным кубом со стороной сантиметров в сорок. На вес этот куб был не очень тяжелым; явно пустотелым. И никаких щелей, или трещин, показывающих, куда именно надо приложить усилия, чтобы открыть его, не имел. А еще – он усердно поглощал энергию, небольшую порцию которой Олег щедро плеснул на него. Никаких видимых изменений не произошло. Тогда Олег уже не плеснул, а направил настоящий поток, в считанные секунды опустошив свой внутренний резерв почти на треть. И опять куб удивил – не нагрелся даже на долю градуса.

– Хорош, – остановил себя Громов, готовый неосознанно опустошить себя до конца, – будет время, разберусь. А пока... вы что-нибудь выбрали себе?

Он повернулся к девочкам с улыбкой – такой довольной, словно только что встал из-за стола; кубика уже не было на длинной столешнице – она вообще вся была пустой. Оставалось собрать драгоценные камни с украшениями, и возвращаться из сказки в скучную, и очень неприятную реальность.

– Смотри! – две красавицы даже прокрутились на месте, показывая собственные трофеи.

Колье, серьги, кольца – вместе с комбинезонами они смотрелись несколько странно, неуместно. Но если принимать во внимание только красивые, сейчас очень счастливые лица Маши и Эльвиры, то да – Олег согласился, что у его подруг есть вкус, и они подобрали себе вполне подходящие гарнитуры. А все остальное он убрал в сумку – девушки только глазами успели похлопать.

– Взял на хранение, – Олег тоже похлопал – только ладонью по сумке, – по первому требованию представлю. А теперь – дружно вниз. Будем решать проблему вселенского масштаба.

– Какую? – тут же подобрались женщины, – какой вселенной?

– А вот этой, – обвел Олег пространство уже лестничного пролета, – гнездо разврата и пороков. А еще – насилия и преступлений. Будем судить и миловать.

Впрочем, суд был коротким. Как оказалось, охрана, и немногая прислуга заведения разбежалась, а его хозяйка... Олег глянул на Дана, но тот стоически удерживал непроницаемое выражение лица. Ну, Громов и не стал расспрашивать креата – как бы тот не распорядился судьбой бандерши, сам Олег ничего менять не стал бы. Впрочем, ауры этой женщины он в здании не обнаружил.

Зато были другие – израненные, равнодушные, злобные... всех спектров человеческого состояния. Последнее, конечно, было не совсем правильно – тут, среди «обслуживающего персонала», были не только люди. Самые разные разумные – чистокровные и гибриды – общим числом за тридцать душ – сейчас ждали его решения, сгрудившись в одном углу большой залы. Магические светильники у потолка еще не потеряли той энергии, которой одарил их маг. Так что каждую (и каждого тоже – парни тут действительно «работали») можно было внимательно рассмотреть. Но Олег этого делать не стал. Как и решать их судьбу. Просто вручил ее каждой, и каждому в собственные руки. Кроме детишек – пятерых; их пристроили на том самом диванчике, где едва не сгорела бывшая хозяйка этого заведения.

– В общем, так, – Олег постарался придать своему голосу побольше суровости и равнодушия, – куда вы пойдете, и что будете делать, мне абсолютно все равно. Хотите – оставайтесь здесь. А нет – двери открыты. Все, что есть ценного в этом доме, ваше...

Червячок жалости, и какого-то, ничем не обоснованного раскаяния все же проклюнулся в душе парня. Он продолжил, чуть дрогнув голосом:

– И вот это, – он простер над полом руку, и ладонь тут же ощутило твердую поверхность крышки сундука – одного из тех, из сокровищницы с золотом, – пусть будет вам компенсацией... за все. Иван!

Здоровущая фигура тут же выросла рядом.

– Слушаю, капитан.

– Бери с ребятами детишек, и шагайте за мной.

Олег опять шагал по улицам города; пересек рыночную площадь, которая при появлении его команды разделилась надвое, образовав широкий коридор для процессии. Разумные выглядели испуганными, а больше любопытными – явно жаждали еще развлечений. Но Громову был теперь неприятным сам вид этого городка. И здания, и жители, и вот эта дорога, которая вела сейчас его к трактиру «У ворот». Пожалуй, лишь двое его обитателей – дядюшка Мирт и старый Дауд не вызывали у него раздражения. Других он просто не знал, и знать не хотел.

К их появлению на крошечной террасе появился столик и стулья – шесть штук. Олег повернул именно туда, а следом за ним Маша с Эльвирой. Всем остальным дорогу преградила широченная фигура Ивана. Даже креаты не успели проскочить вперед его; разбежались вдоль террасы, привычно разбившись на пары. Одна обшаривала взглядами пространство перед трактиром, вторая уставилась на охраняемое лицо и всех, кто присутствовал рядом с ним. А это были, кроме подруг, еще и пара стариков.

Олег сейчас даже есть не хотел, что было достаточно необычно. Но это он так решил умом и сердцем. Руки же сами потянулись к блюду, на котором сочились янтарным жиром куски какой-то рыбы. А другая ухватила за ручку кружки, в которой было не меньше литра пива. Отпив за раз не меньше четверти, Олег довольно вздохнул, и спросил у хозяина трактира; тот вместе с лекарем присел за стол – после приглашающего кивка капитана:

– А много ли дохода приносит твой трактир в год, уважаемый Мирт?

Трактирщик ощутимо напрягся, а потом спросил – как в прорубь прыгнул:

– Хочешь купить его у меня? Не продается!

– Куда уж мне, – рассмеялся Олег, – из меня трактирщик, как из тебя...

Нужного сравнения, которое не обидело бы старого дарфа, Олег не нашел. Потому продолжил уже серьезно:

– Хочу поселиться у тебя... скажем, для начала на пару лет. Сколько у тебя жилых комнат? И сколько ты берешь за полный пансион?

Олег спрашивал; кивал или мотал головой в отрицании, а сам уже вполне успокоился – в том числе и потому, что принял для себя определенное решение. И касалось оно не только детей, которых вырвали из бордельного кошмара. В чем именно он заключался, Олег вдаваться не пожелал – ему хватило перекореженных линий внутренней энергии, которые определенно мучили детей и физически, и духовно. Он, конечно, подлечил их – прямо на ходу, на руках Ивана и его бойцов. А теперь вот достал из сумки еще один сундук. Наклонился, открыл его, и достал полную горсть золотых монет. Тяжелые кругляши глухо стучали, падая с его ладони обратно в сундук.

– В общем, – сказал он, оторвав взгляд от тускло мерцающего в тени золота, – возмешь отсюда долг за сквайд Миры Ройт. А остальное станет платой за проживание. Вот этой компании.

Он ткнул перед собой пальцем – вперед, за хлипкую деревянную ограду террасы:

– Считай – семеро дарфов, да еще пять ребятишек с ними И еще Ванн, с Амуром и эльфенышем. Или кто-то хочет возразить? Ты? Или кто-то другой?

Он стрельнул поочередно взглядом в Мирта, а потом двух старших гномов, Карана с Гуллийей. Для них, очевидно, решение капитана было неожиданным. Но резкого отторжения в их глазах и лицах Громов не прочел. Но добавил:

– Никого не заставляю, но думаю, что это наилучший вариант для всех.

– Ох-хо-хо..., – протянул рядом Мирт, – а что скажет вон тот господин?

Из-за поворота, от центра города, неспешно выезжала конная кавалькада. Впрочем, она была разделена примерно на две части – посреди процессии катила легкая повозка, названия которой Олег просто не знал – ни в этой жизни, ни в прошлой, земной. Даже не пытался вспомнить. Открытый экипаж, явно подрессоренный, и выполненный не без изящества, вез един-

ственного пассажира, который сам и рулил этим транспортным средством. Очень уверенно рулил, отметил Громов, даже с его полным неведением в подобного рода делах. Экипаж, который тащили за собой две лошади, лихо развернулся на пяточке – словно мастер автогонок сейчас продемонстрировал класс езды на спорткаре. И на сидящих за столиком разумных устался худощавый, уверенный в себе мужчина лет сорока на вид. Волосы он отрастил до плеч, и зачесывал их назад, открывая высокий, без единой морщины лоб. Олег особо не вглядывался в него; даже полуприкрыл глаза. Однако отметил, что без магического вмешательства в этот организм не обошлось. Хотя сам этот мужчина не был магом. Как не было таких мастеров и среди его свиты – двух десятков всадников, вооруженных каким-то клинками. Впрочем, ни один из них оружия не обнажил.

А незнакомец, явно поглядывающий вокруг с видом хозяина всего и всех, учтиво кивнул, и обратился к дарфу:

– Добрый день, уважаемый Мирт. И тебе здравствовать, почтенный Дауд. И всем гостям этого дома.

– Мой дом всегда рад тебе, господин наместник.

Дарф уже стоял, как и Дауд, и низко кланялся начальству. Олег вскакивать с места не спешил, и на руку Эльвиры, дернувшейся было, положил свою, прижав к столешнице.

– Это Горделий Фаст, наместник герцога в Борске, – едва слышно прошептала она, – очень умный и коварный человек.

– И что? – пожал плечами маг, – я должен сейчас вскочить и бежать к нему, беспрерывно кланаясь – как это делает сейчас дядюшка Мирт?

А трактирщик, скатившись с крыльца, словно на стену наткнулся – живую и несокрушимую. Это стояли лицами к противнику орки во главе с Иваном, и четверо креатов. Ну, и мелочь в лице гномов и трех мальчишек тоже явно готовы были принять участие в битве.

– Которую я, конечно, не допущу, – решил Олег, – а как вовремя тут этот чинуша появился. Как будто по вызову.

Он даже улыбнулся; почему-то вот это словосочетание «по вызову» связало в его мыслях главное должностное лицо города с борделем. Какое-то время эта улыбка, его губы, были единственным, что сейчас шевелилось вокруг. Вот они раздвинулись чуть шире, и единственное слово разорвало тишину.

– Пропустить!

Хозяину Борска явно не понравилось, что кто-то командует тут, и им в том числе. Но выразил он это внешне разве что щекой. Которая непроизвольно дернулась. А вот внутри зарождался настоящий ураган, с черными искорками злости. Громов усугублять не стал. Когда Горделий Фаст (надо же – запомнил!) поднялся по ступеням, он тоже встал со стула, и даже склонил голову в приветствии. А приглашал высокого гостя присесть за стол уже хозяин трактира, Мирт.

Впрочем, Горделий Фаст садиться сразу не стал. Обвел взглядом лица двух дам, которые сидели – после команды Громова, с невозмутимыми лицами и выпрямленными спинами – а потом остановился на спокойной физиономии мага. Надолго остановился. И первым паузу прервал Олег – не потому что занервничал, а по другой, очень уважительной причине – пиво в бокале выдыхалось. И он решил представиться; не совсем обычно:

– А я Олег Громов. Путешественник и инвестор.

– Инвестор? – наместник на удивление чисто выговорил русское слово.

– Да, – кивнул Олег, – это человек, который хочет вложить деньги в развитие территории. Города, или деревни. Я вот хочу вложиться в этот трактир. Уже сделал предложение уважаемому Мирту.

– И как? – повернулся теперь наместник к трактирщику, – принял его Мирт?

Дарф молчал, и тогда Горделий Фаст усмехнулся очень жестко; теперь рядом со столом стоял хищник:

– Не всем может понравиться такой подход к делу. Случаются разные неприятности. Дома горят, к примеру.

– Или кости ломаются, – это уже Громов добавил, не менее жестко, напомнив про инцидент на рынке, – или горит совсем не то, что поджигают. Например, городская стена.

Он махнул рукой в сторону хлипкой изгороди, которая тянулась вокруг всего Борска, и жерди со столбами вдруг занялись огнем. Который помчался по сухой древесине, по всем трем ниткам изгороди так быстро, что взгляд не успевал за ним; только фиксировал, как опадает на землю невесомый пепел, в который мгновенно превращается дерево. Горделий дернул головой – сначала вслед за движением этого магического действия, а потом в сторону стражников у ворот, сейчас, на виду у начальства, принявших весьма бравый вид. И успел, скорее всего, отметить финальную часть представления – когда огонь, промчавшийся вокруг всего города, опал на землю серым пеплом; вместе с тем, что осталось от самих ворот.

– В общем, так, – еще жестче заявил Олег, усаживаясь обратно за стол, – я оставляю тут часть своих людей. Оплачиваю их проживание. И вернусь за ними. И если хоть одного не досчитаюсь здесь; если хоть один пожалуется мне на этот городишко, то ответишь за это ты, Горделий Фаст. Лично. Собственной головой.

Он едва удержался, чтобы не завершить пафосно, как в фильме про индейцев: «Я все сказал. Хау!», и поднять сжатый кулак. Но вместо этого схватил кружку, и осушил ее до дна. А когда стукнул дном о столешницу, наместник уже разворачивал свою пролетку, нахлестывая лошадей хлыстом.

### Глава 3. Глайда Маир, Истинный маг Разума

Сказать, что Истинные маги мира Самах были одиночками – значит, не сказать ничего! Шестнадцать всемогущих личностей – а ведь были еще и другие, отверженные Конклавом – не могли терпеть друг друга на глубинном уровне. Но обойтись друг без друга тоже не могли. Сотни зим, которые отвела судьба каждому из этих существ, что уже не относили себя к какому-то из племен разумных, предполагали интриги, закулисные игры, или вовсе открытые войны; самые разные альянсы; подкупы и предательства. Объединяющей скрепой стало появление в этом мире Содружества. С этой могущественной силой, не имеющей никакого отношения к магии, Конклав напрямую бороться не смог; ушел в подполье. Практически там и остался, когда Содружество объявило войну уже всему миру. Разбомбило так, словно хотело вытравить свой собственный дух; вместе с артефактами, что привнесло в этот мир.

Но скрыть само существование магии, и магов Конклав не мог. Иначе зачем вообще было жить тут, развиваться? Так что в новый порядок, в цивилизацию, которая с мучениями строилась на обломках старой, маги вписались. Но – под присмотром и под контролем Конклава.

Одним из решений, которое пришлось принимать этому собранию сильнейших магов, была судьба редчайшего месторождения; единственного в королевстве, где была возможность добычи Истинного серебра. Так называемых «Копей Одинокой горы». Кандидатура номинального хозяина копей не обсуждалась – разрабатывать это месторождение, а точнее – выделять из общей добычи серебра крохи Истинного, разбавленного в нем – не мог никто, кроме Истинного мага Земли. А таким уже больше двух сотен зим был Горд. Бывший дарф, как он позиционировал себя в Конклаве. Как он стал Истинным, и куда делся прежний, никого не интересовало. Тут действовало правило: «Пусть победит сильнейший». Но еще одно правило в Конклаве было, пожалуй, даже более применяемым; практически законом: «Доверяй, но проверяй!». Впрочем, никакого доверия среди Истинных магов не было; никогда. А вот насчет проверок; общей подозрительности... вот в этом недостатка не было.

Общим собранием к Горду приставили надзирателя. Точнее, надзирательницу – Истинного мага Разума Глайду Маир. Глайда терпеть не могла наглого дарфа – так она называла Горда и про себя, и вслух; когда рядом не было лишних ушей. А когда были – эта пара представляла крепкой семьей, с общими устремлениями, а главное – бизнесом. О том, что дело это, как и сами копи, принадлежали всему Конклаву, никто посторонний не должен был знать, и не знал.

Горд от такой постановки дел тихо бесился, и срывал свою злобу на рабах, которые, большей своей частью, добывали в шахтах, глубоко в недрах горы, так нужный магам металл. «Текучка кадров» среди шахтеров была огромной. Помогал Конклав, да и сама эта пара не отказывалась при случае прикупить партию рабов. Даже постоянные поставщики образовались.

Ну а что Глайда Маир? Она была более гибкой в отношениях – все же принадлежала к такой ветке магии, как Разум. И в такой вот жизни утешилась невиданными прежде возможностями. Тут она могла резвиться с разумными, а главное – с их разумами – без всяких ограничений. Выбила себе немалый процент от поступающего поголовья рабов, и углубилась в эксперименты. Заняла для них целый ярус выработанных штолен, куда не пускала даже Горда. Здесь проявилось еще одно интересное обстоятельство. Каменные стены – те, что не тронули рудокопы в своем поистине рабском труде – содержали совсем уже микроскопическую долю магического серебра, и потому лучшей лаборатории, чем вот эти штольни, трудно было представить. Глайда даже свою библиотеку перенесла сюда, заняв под нее немалый зал. Проблема была одна – отсутствие библиотекаря. С последним она провела не совсем успешный эксперимент, и тело его пришлось отдать Горду – у того тоже были свои лаборатории, и одну из них

оборудовал Истинный маг Огня; за немалую плату, конечно, в виде дополнительной порции магического металла. Так что проблем с утилизацией «отработанного материала» – в виде умерших рабов – от непосильного труда в шахтах, или экспериментов магии Разума не было.

Потому Глайда Маир и отобрала себе из последней партии купленных рабов оркуса, который, к ее изумлению, оказался грамотеем; да еще знатоком языка Древних. Как оказалось, не очень успешным – этот Гром умел читать и переводить обычные тексты; слезливые романы и длинные баллады, которые в своем переводе теряли все свое очарование. Если оно там было, конечно. Специальные же тексты, а тем более, магические формулы этот оркус не смог перевести ни одной!

Глайда в раздражении пустила и этот «материал» на опыты; опомнилась вовремя, и оставила их на половине. Так что дух Грома по-прежнему остался служить ей, тоже в библиотеке.

А опыты; эксперименты Истинного мага Разума заключались в следующем. Глайда Маир пыталась освоить действо, какое подвластно было лишь богам. Впрочем, в последних она не верила; только лишь в силу разума. Результатом эксперимента должен был стать перенос сознания разумного из одного тела в другое. Почему-то Глайда решила, что когда-нибудь, в будущем, такое ей может пригодиться. Пока же получалась только первая половина эксперимента – вынуть душу, а вместе с ней и все знания, навыки, память разумного из тела. А вот загнать, сунуть ее обратно – да хоть в свое же, родное, никак не получалось. Свою долю Истинного серебра Глайда тратила как раз на сосуды для хранения душ. У нее образовалась целая коллекция таких несчастных созданий. Сосуды эти опорожнялись в ходе очередного эксперимента, и вновь заполнялись – после других опытов. Только последнего своего раба, Грома; точнее, его неприкаемую душу, она не стала убирать в сосуд. Оставила ее в библиотеке, и теперь едва заметная тень бродила вдоль полок с книгами, и даже – заметила как-то Глайда Маир – иногда втягивалась под обложки толстых фолиантов. Что делала там душа Грома? Читала? Смеялась и плакала, следуя злоключениям героев? Магия словно махнула рукой на нее. Тем более, что гораздо больше внимания требовали сведения, что привезли с собой два других Истинных мага, которые явились с неожиданным визитом – что уже было само по себе неожиданным и весьма редким явлением.

– Тура Бой, Истинный Огневик, и Воздушник – Арадон, – едва слышно прошептала она, постаравшись изобразить на лице приветливую улыбку.

Вообще-то никакой необходимости в этом не было. Вокруг замерли, не в силах даже шевельнуться, рабы. И лицедействовать перед ними было не обязательно. Но все же какие-то правила приличия, хотя бы внешние, члены Конклава предпочитали не нарушать. Для Горда с Глайдой Маир сейчас таким было гостеприимство. Они встречали гостей на пороге дома, как обычные разумные. И повели их внутрь, в тронный зал, и дальше, в роскошные покои, которые большей частью пустовали. Глайду, конечно, снадало любопытство. Причины, по которой эти два мага – один из которых, Арадон, весь такой серый и неприметный, был гораздо старше и опытней ее – явились сюда, да еще в сопровождении свиты, своих адептов, не самых самых слабых магов, должна быть очень веской. И они рассказали, во время позднего ужина, когда хозяева отпустили рабов, а гости свиту, и Истинные остались вчетвером; каждый потягивал из бокала напиток, который выбрал из множества предложенных. Сама Глайда в этот вечер предпочла легкое вино из собственных запасов.

Она едва не поперхнулась, когда Арадон своим обычным, лишенным всяких эмоций голосом сообщил:

– Внешники возвращаются...

– Говори! – подался к нему Горд.

Он предпочитал в качестве десерта пиво, и сейчас этот пенный напиток щедро плеснулся на стол. Но это не смутило, и не возмутило никого. Слишком важной, несущей глобальные

изменения, была эта весть. И прежде всех остальных изменения эти должны были коснуться Конклава.

Арадон продолжил, таким же тусклым голосом:

– Мои люди в столице, в Банине, донесли. К королю с тайной миссией прибыли эти самые внешники. С предложением. Каким, не знаю. Но могу предложить – это касается нашей Короны.

Глайда замерла на несколько долгих мгновений. Мысли текли тягуче, медленно. И было их не очень много.

– Король Ергус Первый; один из наших. Истинный маг Иллюзий. С ним в столице королевства еще пятеро. И они как-то сговорились, уже давно. Выступают, так сказать, единым фронтом. Хотя в последнее время никаких войн в Конклаве не было. Может, благодаря вот этой группе, кстати. Если уж они навалятся вшестером, никто не выдержит. А мы с Гордом – здесь? – Глайда впервые, пожалуй, употребила это слово —«мы» – в связке с магом Земли; и продолжила, – скорее всего, эти двое как раз и прибыли по этой причине. Хотят, наверное, создать свой союз, в противовес королевскому.

Она и спросила, наконец, словно уже обсудила с прибывшими магами проблему, и согласилась присоединиться к ним:

– У остальных уже были?

– Нет, уважаемая, – чуть склонил голову в ее сторону Истинный маг Воздуха, – собираемся со следующим рейсом. Не прогоните старых магов за ворота – на эти две декады?

Глайда вдруг вспомнила смешного дарфа-коротышку, сознание которого так резко отозвалось на ее магию. Именно он управлял сейчас артефактом Ушедших, а точнее, Внешников. Той летающей повозкой, которая именно за эти две декады развозила по Истинным магам их доли магического серебра. Большая часть его, конечно, оседала в столице королевства.

– Не прогоним, – ухмыльнулся в ответ Горд; именно он числился номинальным хозяином копей.

А у Глайды даже мелькнула мысль – а не привлечь ли опытных магов, прежде всего, Воздушника, к собственным экспериментам; к той проблеме, которую она никак не могла решить. Но тут же отмахнулась – такое вот смешение ветвей в Конклаве считалось ересью, и строго каралось. Хотя Истинные могли себе позволить и такое вот нарушение.

– Еще один момент, – вступил, наконец, в разговор другой маг, Огневик Тура Бой, – одним нехорошим местом накрылось наше плетение в Великом Лесу.

– Том, что служит преградой для артефактов Ушедших из бывшей столицы империи? – уточнил Горд.

– Служил, – уточнил, в свою очередь, Тура Бой, – теперь это обычный лес. И в самой столице что-то произошло.

Спрашивать, откуда Истинному стали известны эти сведения, никто не стал – у каждого были свои методы разведки, и соглядатаи. И каждый, кстати, не чурался использовать в своей деятельности те самые запретные артефакты.

– Те же самые повозки, которые прежде называли грузовыми платформами, к примеру, – опять вспомнила небритого дарфа Глайда.

Горд все же проявил интерес – не прямо, завуалированно:

– А что говорят об этом в столице королевства?

Огневик пожал плечами, отхлебнул из своего бокала, и ответил:

– Король послал к Лесу, во владения герцога Дайна Великолепного, целую комиссию.

– Король, или Конклав?

Это уже Глайда спросила. Вопрос этот подразумевал одно – был ли в той группе, которой поручили расследовать небывалое для мира событие, уничтожение единого плетения всех

шестнадцати Истинных магов, один из тех, кто принимал в этом ритуале непосредственное участие. Тура Бой явно понял скрытый подтекст вопроса; улыбнулся:

– Истинных там нет. Но компания подобралась мощная. Семь магистров...

– Семь?

– Ну, – еще шире улыбнулся Огневик, – я как раз был в столице. Так что от помощи магистра Огня отказываться не стали.

– И тем не менее ты здесь! – словно припечатал его молотом маг-дарф, – почему?

– Да! – поддержала его в этом вопросе Глайда Маир, хотя и не высказала это вслух, – получается – «и вашим, и нашим»? Хитрец, однако.

– В главном я с королем не согласен, – спокойно отреагировал на сталь в голосе Горда Огневик, – с эмиссарами Внешников я договариваться не собираюсь.

– Почему? – не выдержала все же магиня.

– Потому что в этом договоре, какие бы слова не были в нем прописаны, мы будем младшими партнерами. А по факту – слугами правителей этого самого Содружества. Хорошо, если не рабами. Сил противостоять в прямой схватке у нас не хватит.

– А в не прямой?

– Вот тут, – улыбнулись теперь оба гостя, хотя отвечал лишь один, маг Огня, – мы еще побарахтаемся. На наш век хватит.

– Значит, – уже спокойно констатировал Горд, – вы вдвоем уже договорились.

– Не вдвоем, – поправил его Воздушник, – с твоей платформой сюда придут еще трое. Если вы, уважаемые, не против. Тогда нас будет уже семеро – против шести в столице. А еще с троими мы надеемся договориться по меньшей мере на нейтралитет.

– Трое – это кто?

Магиня Разума почувствовала какую-то недоговоренность в словах Арадона; а еще, смутное беспокойство. Оно, кстати, оказалось не беспочвенным, и прямо тут, сейчас объяснилось.

– Трансформация, – начал перечислять Истинный маг Воздуха, чуть поморщившись, – Перемещение и Чувство.

– Значит, – быстро вспомнила Глайда трех условно «нейтральных» членов Конклава, – остаются еще Жизнь, Вода и Пространство. Подождите – как Чувство?! Зачем?!!

Истинный маг Чувства, Каталина, была злейшим врагом Глайды. Это чувство было взаимным, необъяснимым и всеобъемлющим. Может, потому, что ветки их дара располагались на древе магического искусства рядом? Потому, что сила их была направлена на подавление и руководство волей, самой сутью разумных? Только магия Глайды была холодной, рациональной, а у Каталины непредсказуемой; жаркой и обжигающей. Потому Глайда Меир и вспоминала так часто того дарфа-техника; по всему выходило, что его обожгла именно чувственная магия. Она вдруг представила, что владеет обеими ветвями дара.

– Тогда, наверное, и эксперимент завершится удачно...

Она спохватилась: три Истинных мага молчали, глядя на нее. И все трое определенно ждали взрыва эмоций от магини; ее резкого и окончательного: «Нет!». А Глайда мило улыбнулась и кивнула, чем ввела всех в некоторую оторопь.

– Зря возводили свои щиты, – на щеках женщины, которой никак нельзя было дать ее двух с половиной сотен зим (тридцать, не больше!) появились ямочки, – перепугались-то как. Пусть приезжают.

Она еще раз кивнула, уже царственно. Встала и удалилась. Дальнейшее ей было не интересно. Знала, что Горд поведет их в покои, где уже обживалась свита; совсем ненадолго, потому что роскошью и удобством удивить гостей было невозможно. А потом все трое заторопятся на полигон. Это огромное подземное помещение как никакое другое – пожалуй, во всем этом мире – подходило для боевых магических техник. Старая выработка, под сводами которой мог поместиться средних размеров город, не пропускала через свои стены ни крохи магической

энергии. И Глайда Маир сейчас была уверена – скоро в этой безбрежной пещере будут бушевать океаны огня, хлестать направо и налево толстые плети спрессованного до состояния твердости воздуха, и летать камни, каждый из которых мог разрушить весь замок, под которым они находились. Если бы этот замок не охраняли силы еще более могущественные. В этом отношении, считала Глайда, взрослые, отмеченные печатью прожитых веков мужчины ничем не отличались от подростков – лишь бы померится силой...

– Ну, или чем еще, – улыбнулась женщина, – у кого, к примеру, длиннее и толще... Да чтоб тебя!

На этот раз коротышка дарф, прибытия которого вместе с платформой и тремя Истинными магами можно было ожидать не раньше двух декад, привиделся ей в самом nepотребном виде. Нахмурившись, она твердо решила – сразу по прибытию поведет этого раба вниз, в свою лабораторию, и он не сможет больше смущать ее мысли видом своего тела.

– Потому что этого тела больше не будет!

Она и теперь пошла вниз, хотя поначалу не собиралась. Безвозвратно испорченное настроение требовало выхода. А что могло быть лучше, чем наслаждение от власти – самой душой разумного? Таких душ, заключенных в сосуды из Истинного серебра, которые формой напоминали узкогорлые кувшины, на полках склада, что располагался за дверью ее обширной лаборатории, у нее было одиннадцать.

– Нет – двенадцать, – поправила себя магиня, пройдя вдоль стены, к которой и крепилась полка с этими одиннадцатью серебристыми вместилищами душ, – вот этого не посчитала.

Она прошла до самого угла, и взяла в руки еще один серебряный кувшин, стоящий на отдельном столике. Внешне этот сосуд ничем не отличался от остальных. Только маг очень высокого уровня мог рассмотреть в его стенах могучие плетения, которые удерживали внутри какую-то сущность. Ну, а Истинный маг, такой, как сама Глайда Маир, увидел бы сквозь эту толстую стенку, на которую ушла ее доля Истинного серебра за полгода, яркое пятно, или звезду, которая металась внутри сосуда. Она, эта звезда, показывала, что в кувшине заключена сущность Истинного мага.

Как такое могло быть? Ведь этими искрами были наделены лишь Истинные! И все шестнадцать были живы, и все правили своими землями, и своей областью магии.

– Кроме отверженных, – злобно процедила сквозь зубы Глайда, – которых никто не считает!

Как именно ей удалось приманить к себе Истинного мага Нежизни, отвечающего за некромантию? Как обмануть; заставить поверить ей, и повернуться спиной для смертельного удара? Она и сама предпочитала не вспоминать – столько коварства, предательства и подлости было в этой давней истории. Звездочка от слабого постукивания по стенке сосуда заметалась еще быстрее. А магиня, как обычно, поговорила немного со своим давним «другом», чувства к которому были одним сплошным притворством.

– Еще не пришло твое время, Некроций, – криво улыбнулась она, – но надеюсь, ты дождешься, и мы соединимся – уже навек.

Она была уверена, что сущность внутри слышит ее; совсем уже беспорядочное мельтешение подтверждало это.

А взяла Глайда с полки другой сосуд. С душой обычного разумного. Повернулась к центру лаборатории, где дожидалась очередная жертва. Как нарочно – дарф. Только бородатый; точнее, заросший волосом везде, где только доставал взгляд женщины. А он доставал до всех уголков этого тела; даже самых потайных. Потому что дарф лежал на столе, предназначенном для операций, абсолютно обнаженным. Его члены были расслабленными; пошевелить хоть одним из них волосатый коротышка не мог. Но сознание его было ясным, ничем не замутненным. Разве что страхом, который Глайда видела в его глазах почти овеществленно.

– И чего бояться? – спросила она, не ожидая ответа; просто привыкла вот так рассуждать, во время магических опытов, – все самое страшное в твоей жизни уже произошло. А сейчас будет не больно. Напротив – интересно до... смерти. Но ты ведь не боишься смерти? Ага – думаешь, что лучше бы умереть?! А я вот так не думаю...

Этот негромкий речитатив не мешал ей творить заклятие. Серых нитей, которые нужны были для сложного плетения, в пространстве, где царили эманации Истинного серебра, не было; ни одной. Но только не в той части подземелья, которая принадлежала Глайде. Здесь как раз не было всех других; Истинная постаралась. И сейчас творила, не жалея заемной энергии. По сути – плела невидимый аналог магической удочки, в которой были сотни крючьев. Их можно было вонзить в самую суть разумного, в данном случае, излишне волосатого дарфа, а потом дернуть; тоже магией. И она сделала это, и душа покинула разумного, но не взмыла к небу, сквозь тяжелый камень, и не заметалась внутри лаборатории, стены которой не пропускали не только магические эманации, но и жизненную силу. Потому что та самая «удочка» определила несчастную душу, которая выглядела бледной тенью дарфа, видимой лишь магам, в угол. А Глайда еще посоветовала ей понаблюдать за тем, как она, могучая магиня, будет пытаться соединить, казалось бы, несоединимое – тело дарфа, и душу...

– Оркуса, – определила она, открывая кувшин, – кстати, душ таких у меня все же не двенадцать, а тринадцать – про оркуса забыла, библиотекаря. Или даже четырнадцать, вместе с этим дарфом. Тьфу на вас – совсем запутали!

Она рассердилась, и, быть может, отвлечение концентрации не позволило ей завершить эксперимент удачно; в который уже раз. Душа неизвестного, безымянного для магини оркуса послушно впиталась в короткое тело, и то задергалось, заворочалось на широком и длинном столе. Но этот процесс единения оказался очень коротким. Тело на столе выгнулось на жесткой поверхности дугой; напряглось так, что магиня услышала, как рвутся внутри него связки, и трещат кости. А потом дарф, или оркус, издал такой жуткий крик, что даже самой Глайде стало жутко. И с этим тело обмякло, и распласталось на широком, последнем своем ложе мертвой тушей. Глайда знала; проверила это уже не раз – даже Истинный маг Жизни не обнаружил бы сейчас в этой плоти хоть единственную возможность вдохнуть в нее эту самую жизнь. И тело, и душа на столе умерли бесповоротно. А беззвучный крик теперь издал в своем углу дарф.

Расстроенная, а больше рассерженная Глайда резко рванула «удочку», и теперь эта душа заняла освободившийся сосуд. Эксперимент опять не удался...

Следующие несколько дней Глайда Маир гостей копей Одинокой горы не видела – словно их здесь и не было. И Горда, кстати, тоже. А на пятое утро в двери ее покоев осторожно постучали. Но магиня Разума почувствовала, что стоящий за нею раб сильно взволнован. А точнее, взволнован был тот, кто послал этого несчастного, передав с душой и телом раба часть своих эмоций. Быть может, невольно – сила Истинного мага такое позволяла. Вот Глайда и уловила, что ее напарник, Истинный маг Земли, сейчас чем-то сильно озабочен. И приглашает присоединиться к этой озабоченности, а фактически – разделить ее с ним, другого Истинного. Ее, Глайду Маир.

Резко толкнув створку дверей, отчего раб, стоящий за нею, отлетел в сторону, она прошествовала в тронный зал – быстро, но в то же время внешне очень величественно, с надменным видом. За эти дни острота новых сведений, что принесли с собой два члена Конклава, сгладилась, но вот неприязнь к ним никуда не делась. Теперь она пылала холодным, ровным огнем Разума, готовым вырваться наружу. И он действительно вырвался – но не в сторону Истинных; парочки, которую она хотела видеть униженными и оскорбленными. И все из-за единственного слова, которое выдохнул из себя Горд, как только его формальная половина перешагнула порог тронного зала.

Все трое Истинных стояли у двери, ведущей наружу, под яростные лучи светила; а другие маги, прибывшие вместе со своими наставниками, или господами, как раз выскакивали

наружу. Глайда все эти дни принципиально делала вид, что не замечает этих разумных. Да она и со своими «учениками», которые жили здесь, в замке только лишь по причине того, что так обязывал Конклав, общалась не каждый день. Эти маги, наверное, тоже присутствовали здесь, вместе с «птенцами» Горда; скорее всего, они выскочили по тревоге раньше всех. Грозная сила – две дюжины адептов сразу четырех ветвей искусства.

– Только не здесь, – едва не фыркнула Глайда, – все вместе они не выстоят даже удара сердца против меня. Ну, и против каждого из этих...

«Эти», Истинные, повернулись к ней, и, кажется, все вместе выплеснули на нее единственное слово. Хотя губы шевелились только у одного, Горда:

– Внешники!

Глайда подошла к ним на внезапно ослабевших ногах. Что это было? Что вызвало такую слабость и бешеный стук сердца в груди? Страх? Какое-то дурное предчувствие? Она подавила в себе все эти сомнения, безапелляционно определив, что ничего подобного она не ощущает, и подошла к «собратьям» по Конклаву уже с холодной головой, готовая присоединить свои силы к остальным.

Двери были открыты, и Глайда сейчас увидела лишь просторный двор, в котором беспорядочной кучкой столпились адепты – свита четверых Истинных; в их числе и шестеро ее собственных адептов.

Сейчас же она, наверное, была им даже рада – дополнительной силе в предполагаемом противостоянии со страшными Внешниками; как и остальным магам, уже других ветвей магического Искусства. Среди которых было даже несколько магистров. Последние прибыли с гостями.

– Пойдем, – кивнул всем Горд, и четверка, выстроившаяся короткой цепью, зашагала к воротам.

Закрытым, и, как предполагала Глайда Маир, неприступным.

– Как и все тут, – подумала успокоившаяся окончательно магиня, – такую защиту не пробьет даже оружие внешников!

Она чуть задержала шаг, и оглянулась, подняв голову кверху. Остановила взгляд на шпиле замка, где на самом кончике, отлитом из Истинного серебра, со светилom соперничал большой кристалл. Она вспомнила, как вкладывала в него нужное плетение; так же, как и остальные Истинные маги – при формировании вот этой крепости. Она, кстати, тоже была создана не руками, или кирками! Строителем тут была тоже магия.

Горд выкрикнул что-то вперед себя, и послал туда же какое-то плетение, запитанное энергией Земли. Силу эту было принято называть именно так, хотя она повелевала внутренними связями еще и металла, камня, других неживых компонентов мира. Сейчас она была направлена на зачарованный металл ворот. И они тут же стали прозрачными, словно были изготовлены из качественного стекла. они еще и магической лупой сейчас стали – показывали громадный артефакт за ними во всех подробностях.

Глайда едва удержала внутри себя крик. А вот Огневик рядом, не выдержал, крикнул и глухо выругался. А Воздушник просто кивнул:

– Действительно Внешники.

Глайда и сама определила так. Она не видела воочию раньше летающих монстров Внешников; родилась позже того ужасного удара, который небеса обрушили на города и села мира. Но в мыслях переживших катаклизм – тех, кто попал, к своему несчастью, в сети ее экспериментов – хорошо представляла внешний облик летающих артефактов Содружества – так называли себя Внешники. Такая вот летающая повозка и висела напротив ворот, почти задевая своим брюхом камень. Висела и безмолвствовала. Глайда попыталась отстраниться от реального мира; глянуть на нее и даже внутрь магическим взором. Увы – в этом диапазоне артефакта Внешников не было видно. Совсем! Его просто не было! Магиня даже поежилась; опять

от недоброго предчувствия, и зарождающегося страха. Рядом еще раз глухо выругался Тура Бой. А Горд не выдержал, и скастовал еще одну команду. Но направлена она теперь была назад и вверх – к шпилью замка, к кристаллу силы.

– Нет! – подняла было руку Глайда.

Но призыв ее запоздал. Со шпиля сорвалась молния, от которой белый день вокруг стал практически ночью – так ярко сверкал этот толстый жгут силы, объединяющей все разрешенные ветви магии. И что?

– Ничего, – прошептала магиня, остро пожалевшая в этот момент, что в этой молнии не присутствовали другие, запретные ветви искусства.

Естественно, она тут же заставила себя забыть об этой крамольной мысли. Тем более, что Внешники нанесли ответный удар. И не один!

Сначала все – ворота, и стену вокруг них, и невидимый для простых смертных купол, что служил продолжением стен, и тянулся от кристалла на шпилье замка – залило море огня, вырвавшегося из дюжины (успела посчитать!) отверстий, открывшихся по периметру передней части артефакта. Причем отверстия эти перемещались по кругу, отчего сплошная огненная волна крутилась какой-то спиралью; словно живой молох, готовый прогрызть дыру в чужой защите.

Теперь Истинные ухмылялись, хотя, была уверена Глайда, только что тряслись от ожидания неминуемого падения ворот и стены, и удара огня уже по ним, магам – как и она сама, впрочем.

– Впрочем, – мелькнула совсем ненужная сейчас мысль, – чем этот огонь мог навредить Истинному магу Огня?!

В душе же вдруг зародилось, и начало расти ликование – когда огромный артефакт вдруг начал пятиться назад. Он зримо терял в размерах – но лишь потому, что замок с площадью перед ним и стена с воротами стояли на возвышении, и летающая повозка сейчас спускалась со склона; и остановилась, наконец, достигнув поворота в ущелье. Теперь она, Глайда Маир, ее голова и взгляд были как раз на уровне центра этого создания Внешников, прямо посередине которого образовалось еще одно отверстие. И магине показалось, что оттуда, из этой не такой уж и крупной дыры, на нее дохнуло теми самыми ветвями магии, о которых она недавно запретила себе думать!

– Не на меня! – заорала ее внутренняя сущность без участия сознания, – на него!

Что-то вырвалось из этого черного жерла, и наружные ворота, венец объединенной магии Конклава, исчезли. А в груди стоящего рядом Горда образовалась аккуратная такая дыра, в которую, наверное, с трудом мола бы поместиться его собственная голова! Глайда одернула себя, прогоняя уже эту, совсем дурацкую мысль. Не шагнула в сторону, чтобы подхватить падающее на камень тело напарника, в котором определенно не хватало сердца, и других важных органов. Горд, конечно же, был еще жив – убить Истинного мага не так просто. Но помочь в битве, в которой противники готовы были схлестнуться уже лицом к лицу, пока не мог. Но трое других Истинных, и две дюжины обычных магов сплотились – навстречу четверке каких-то странных, четвероруких врагов, одетых в блестящие, закрытые с головой, одежды.

Враг начал атаку первым – очень уж быстрыми оказались эти четырехрукие. Они атаковали на ходу, используя каждый по четыре руки, в которых были зажаты короткие трубки. Совсем не страшные на вид; однако они залили пространство перед дворцом вполне грозным, для большинства живущих в мире, смертоносным валом огня, металла, и еще чего-то непонятного, но определенно очень опасного. Три Истинных мага окутались мощными щитами; каждый своим. А вот другие щиты, обычных магов, даже магистров, не выдержали. Слитный долгий крик показывал, а глаза подтверждали, что все помощники, adeпты четырех ветвей магии мертвы; порваны в клочья и частью сожжены.

И тогда свое слово сказали Истинные – каждый по своему.

Тура Бой, Огневик, разделил толстый жгут огня надвое, и в том месте, где продолжали бежать четырехрукие, образовалось два черных пятна, которые – показалось Глайде – какое-то время продолжали движение по камню. А Арадон, Истинный маг Воздуха, махнул перед собой кулаком – словно прибавал кого-то. И прибил! Третьего врага, на месте которого осталось пятно; размазанные по камню плоть, металл, и еще что-то, из материалов Внешников.

Ну, а что сама Глайда Маир?! Свою невидимую «удочку» она носила с собой всегда. И сейчас мастерски тянула из «пруда», которым было последнее оставшееся целым тело, его содержимое. Разум, душу, навыки, знания – все, чем и являлся этот четырехрукий. Он не добежал до магини каких-то пары шагов; упал так, что своей макушкой, прикрытой глухим шлемом, почти уткнулся ей в ноги. Это тело еще дышало, по инерции. Но назвать его разумным было уже нельзя.

– А скоро и дышать перестанет, – подумала магиня, поднимая ногу, чтобы водрузить ее на голову поверженного врага, – когда забудет, как это делается.

Но нога так и осталась висеть в воздухе. Глайда забыла про нее, отвлеклась на нового врага, замершего на миг в проеме ворот. Этот был помельче, и весь облеплен чем-то зеленым. И от него тянуло той самой жутью, что и из темного жерла посреди артефакта. На мгновение все замерло. А потом в этого врага полетели совместно три могучие силы – Огонь, Воздух, и энергия Разума. Объединившись, как иногда раньше – очень редко, но все же! – они обрушились на хрупкую фигуру парня. Почему-то Глайда именно так восприняла и назвала противника. Что именно он сделал? Поглотил океан энергии, или просто увернулся от ее потоков? Результат был ошеломляющим! Совершенно целый парень – это уже было несомненным, с учетом того, что его лицо, чуть зеленоватое, ничем не было прикрыто – хищно улыбнулся, и махнул сразу двумя клинками. И в воздух полетели сразу три головы. Это Глайда отметила; она еще была живой, хоть и в отрыве от основного тела. Видела, как Тура Бой успел ухватить собственную голову двумя руками, и сейчас пытался пристроить ее на месте. Арадон, очевидно обескураженный сильнее, лишь провожал глазами полет...

– Точнее в полете – собственное тело, уже падающее на землю, – подумала она, – а что я сама?

Острый клинок, явно магического плана, аккуратно перерезал ее шею и одну косу. Вторая болталась в полете, в котором голова магини беспрерывно крутилась, и хлестала по глазам, мешая фиксировать мельчайшие подробности происходящего вокруг. Пришла еще одна мысль – сумеет ли она, Истинная магиня, преобразовать силу Разума во что-то материальное, и направить полет головы обратно, к телу, еще стоящему на ногах? Но не успела даже попробовать. Парень поднял руку, в которой уже не было клинка. Его лицо теперь было видно отчетливо, как и эмоции на нем. Больше всего, почему-то, читались какая-то усталость и сожаление. Но только до того момента, когда его ладонь, поднятая над головой, вцепилась в кончик косы. Голова магини изменила траекторию; теперь она нарезала круги вокруг руки парня, приближаясь к нему с каждым витком. Первый виток, второй, третий. Лицо парня стало задумчивым, и сосредоточенным. А потом для Глайды Маир не стало ничего. Только Тьма...

## Глава 4 Олег Громов. Победитель магов

– А ты уверен, что поступил правильно?

С этим вопросом Маша обратилась к Олегу, когда бот уже обогнул по широкой дуге Борск, и вышел на прямой маршрут, держа курс опять к оркским степям. Они втроем – сам Громов, и Маша с Эльвирой – сидели на диванчике, в который, оказывается, могло преобразовываться артефактное ложе, и наслаждались тонким вкусом древнего вина. Одну бутылку Олег достал под осуждающими взглядами подруг. Впрочем, сами они полные фужеры из руки Громова приняли вполне охотно. Диванчик этот стоял на третьем этаже покоев, которые сейчас приняли вид равнины с редкими перелесками. Таким же было реальное пространство, по которому не очень быстро, и строго прямолинейно передвигался бот. Так что экран, который открылся сейчас на противоположной стене этой части апартаментов, по сути, повторял картинку, которая действительно проплывала мимо – поскольку Олег одновременно управлял кораблем.

– Ты имеешь в виду детей? – переспросил он.

– Конечно, кого же еще? Кстати, из тех пятерых, что мы из борделя принесли, три девочки... одна даже орчанка. А из мальчиков один дарфик. Смешной такой.

Олег внутри себя скрипнул зубами. Потом успокоился, и все же ответил на первый вопрос девушки:

– Понятно, что безопасность и детей, и самих Мирта с Даудом относительная. Точнее, временная. Наместник точно не тронет их. Но может появиться акула позубастей. Такая, которая на мнение этого Фастум Геля... нет, не так – Горделия Фаста, – тут Громов хохотнул, – наплюет с высокой колокольни. Вот и нужно нам обернуться раньше, чем такая «акула» появится в Борске. Ну, и убежище понадежней отыскать.

– А здесь, в боте?

Это уже Эльвира спросила.

– Была бы моя воля, – улыбка на губах Олега пропала, – я и вас бы где-нибудь оставил. Что ни говори, а идем ведь воевать, по-настоящему. Только ведь вы не согласитесь?

– Нет! – хором выкрикнули женщины.

– Тогда о чем еще говорить? Смотрите лучше – наслаждайтесь видом.

Олег подумал, но вторую бутылку вина доставать не стал. А потом и вовсе погнал девчат учиться – одну в биокапсулу, а вторую в тренажер. Сам же неторопливо размышлял, словно продолжал разговор с девушками:

– Судя по воспоминаниям Горы Банга, эти самые копи Одинокой горы настоящая крепость. И это он видел глазами простого человека, разумного. А уж магическая составляющая там не в пример мощнее. Хорошо было бы захватить ее врасплох; так сказать, упасть сверху, как коршун на цыпленка. Впрочем, сверху не получится – с орбиты не позволят. Хитрость какую придумать? Тоже не вариант – обмануть Истинного мага Разума, это даже мечтать не стоит. И как поступить? Как в уличной драке: «Главное ввязаться?». А может, получится решить миром? Выкупить Артана с Громом, ну, и остальных? Дать двойную, даже тройную цену... не получится... чувствую, что без драки не обойдется.

До горного кряжа, действительно одиноко возвышающегося в степи, долетели ближе к вечеру. Громов сунулся было – вместе с ботом, естественно – в темную уже щель, проход к замку местных властителей, но затормозил. Почувствовал выдвинутыми вперед лучами рецепторов живой брони, что там начинают кружить какие-то потоки энергии. Пусть неразумные, не осознающие собственной силы, но вполне способные донести вот это свое беспокойство до кого-то опасного. Таких впереди было не меньше двух – Истинных магов, которых Олег Громов, начинающий волшебник, не без оснований опасался.

Поэтому бот свернул чуть в сторону, и замер, в полукилометре от ущелья. Все системы корабля были начеку, а его капитан... ну что мог делать ночью молодой, полный сил парень, когда рядом призывно кружились две красавицы? Которым, кстати, медицинские капсулы тоже добавили сил?!

Так что утром Олег, сытый, удовлетворенный морально и физически, заполненный положительными эмоциями по макушку, повел бот к самому центру копей совсем с другим настроением; в отличие от того, какое царило в его душе вчерашним вечером. Следом в проход скользнули обе платформы. Эти летательные аппараты в узком ущелье могли чувствовать себя – если бы умели делать это – достаточно свободно. Ширина ущелья позволяла им даже развернуться на месте. А вот боту пришлось бы удирать, если враг окажется сильнее, пятясь кормой. Впрочем, для его двигательной системы и управления это не представляло никаких проблем.

Уже в тени ущелья, стены которого были гораздо выше тех самых пятидесяти метров, которые орбитальные станции, и разумные, управлявшие ими, установили верхним, разрешенным потолком для полетов, Громов попытался просканировать камень, окружавший теперь все вокруг. Увы – ни рецепторы бота, ни его собственные магические щупы, которые он протянул к стенам, остановив на пару минут корабль, и открыв боковой люк, не смогли углубиться в эту породу даже на миллиметр. Хотя какой-то результат был – Громов понял, что материал этих стен имеет что-то общее с обшивкой бота. Это было понятно лишь на уровне ощущений, но им Олег привык доверять.

А дорога, которой следовал бот, крадась не выше метра над ее полотном, неуклонно поднималась. И вывела, наконец, путников на широкую площадку, где бот уже вполне мог маневрировать. А впереди это пространство перегораживала сплошная стена с воротами посередине. Впрочем, эта картинка была уже знакома Олегу; из памяти Горы Банга. Только ретроспектива была другой; с высоты второго этажа своих покоев, а сейчас он находился в капитанской капсуле, Олег видел даже большую часть дворца, или центрального замка, который был единственным строением за этой стеной. А еще Громов видел, что поверх стены защита, магическая ее составляющая, была не менее прочной, чем каменный монолит толщиной не меньше двух метров. И начиналась эта защита от вершины шпиля замка, который венчал какой-то кристалл. Этому камню не нужно было светило, которое освещало сейчас, в этот утренний час, разве что сам шпиль, ну и горные пики вокруг. Потому что он светился внутренней энергией. Как отметил юный маг, токи этой энергии начинались где-то в толще горы, шли сплошным потоком по стенам замка к его островерхой крыше, и изливались вниз прозрачным куполом.

– Скорее всего, возвращаются обратно в камень; по стенам и их фундаментам, если последние, конечно, есть, – предположил Олег, – вот такой круговорот энергии получается. А красиво – для того, кто видит это все! Даже жалко будет разрушать...

Первым предприняли попытку разрушения маги, которых Олег вдруг увидел за толстой воротинкой. Кто-то из четверки («Не двое, как было обещано?!», – чуть встревожился Громов) Истинных магов, очевидно, наложил, или запустил готовое заклятие, таившееся в металле ворот, и они стали прозрачными. А для Олега еще и эффектом «перевернутого бинокля» наградили.

– Сами, значит, видят сейчас каждую трещинку в боте. Впрочем, никаких трещин в нем нет. Есть сплошная броня, которая, к тому же, вращается себе неспешно с постоянной скоростью. А головы у вас не закружатся, дяденьки... и тетенька?

Один из этих Истинных, очевидно, отдал приказ, и с кристалла на шпиле сорвался разряд – толстый, непрерывный, поражающий воображение своей безудержной мощью, и тем количеством энергии, которой маленький, относительно, кристалл, поделился с этой молнией. Но – поражало только воображение. Сам же бот даже не шелхнулся. И не застонал внутренне от переизбытка энергии, как ожидал Громов. Впрочем, изменения капитан зафиксировал – в том самом слое наружной брони корабля, которая была представлена роликами-снарядами,

и смазкой между ними. Артефактная пыль определенно уже перемешалась в этом пространстве с родной смазкой, и теперь именно она приняла на себя чудовищный удар, впитав без остатка колоссальное количество энергии. Как его пропустила сквозь себя наружный слой брони, не повредив при этом ни одного рецептора? На этот вопрос Олег ответа не знал. Да и не задавал его сейчас себе. Он ответил, соразмерно удару противника. Не объемом, конечно, а типом своего удара. На ворота и стены тоже обрушились струи огня, закрученные воронкой – так двенадцать энергетических орудий, вращающихся сейчас вместе с защитой бота, выплеснули из себя сразу десятую часть заряда артефактной батареи Древних. Но с этим вопросом и тревог не было – запасов хватало. Только вот этот удар тоже оказался безрезультатным. Огненная волна просто стекла с преграды, не заставив магов за воротами даже дрогнуть.

Олег приблизил это изображение; в доли секунды, потому что понимал, что противник сейчас предпримет что-то новое, может быть, еще более ужасное. И увидел, как фигуры у всех четверых расслабляются, а лица принимают выражение, какое сам он себе по отношению к серьезному противнику ни за что бы не позволил. В нем было пренебрежение, большей частью, чувство превосходства и всемогущества... и сильнее всего эти эмоции были выражены в лице крупного, ростом не меньше, чем стоящие рядом разумные, дарфа.

– Горд – так называл его Гора Банг, и подтвердил Брон. Вот в тебя я и буду целить.

А чувства эти начали заполнять магов потому, что бот начал пятиться. Может, Олег тоже понял бы такой вот ход противника, как попытку бегства? Сам же он просто прицеливался; скатывался по склону вниз до тех пор, пока центр бота, ствол туннельного орудия не уперся предполагаемой траекторией выстрела прямо в грудь этого дарфа. И в этот момент Олег отдал команду, впервые опробовав орудие. Он предполагал, что смазка, частью которой стала зеленая порталная пыль, наделила снаряды какой-то особой энергией. И предположение это блестяще подтвердилось!

Никакой отдачи Олег не почувствовал, как и самого момента выстрела не отметил. Но ворота, в которой магии, ее плетений было, наверное, гораздо больше, чем стали, просто исчезли. А в груди Истинного мага Земли – ровно в том месте, куда целил Олег – появилась зияющая рана диаметром даже больше, чем у двадцатисантиметрового снаряда. Громов еще отметил, благодаря тому самому увеличению, что такие сквозные отверстия появились у стен замка, и еще одно чернело в скале за ним. Насколько глубоко?

Этого Олег не видел. Только выругался во весь голос, и помчался наружу, из бота. Наверное, он мог как-то поработать щитами корабля, задержать креатов, которые без разрешения выскочили из передней платформы, и бросились прямо в створ ворот. Но – не сообразил, бросился сам выручать своих телохранителей.

– Идиот! Баран безмозглый!! – беззвучно кричал Олег, вихрем проносясь по коридорам и лифтовым площадкам, – сам тебе башку оторву твою дырявую!

Ругался он, конечно же, на Дана – только тот мог отдать приказ на эту самоубийственную атаку. И, кстати, глава телохранителей был в праве сделать это. По кодексу охранников, и контракту, заключенному с Олегом Громовым. По нему именно они, креаты, определяли, как именно защищать охраняемое лицо. Вот и бросились вперед; расчистить, так сказать, площадку от врагов – до его появления. А когда Громов действительно появился, все на этой площадке уже закончилось.

Он еще отметил два жгута пламени, которые взмыли выше стены, и обрушились вниз, на кого-то невидного сейчас для парня. Еще один, еще более мощный заряд магии, определенный Громовым, как воздушный кулак, взмыл над стеной несколько раз – но бил он по одному месту. Олегу стало бы дурно, если бы он представил себе, во что именно превращается разумный, который принял на себя этот пресс. Впрочем, приступ какой-то дурноты все же настиг его – это очевидно было проявление магии Разума. Захотелось смыть его с себя, окунуться в волны магии Жизни; естественно зеленого цвета.

– Зеленого! – вспомнил Олег, доставая из сумки привычный уже для ладони бокал.

Крошечный душ, а пыль эта стекла с макушки парня не хуже, чем обычная жидкость, прояснил сознание; одновременно Громов поставил задачу – как из таких вот бокалов образовать защиту. Без надлежащего панциря Олег в проем ворот ни за что бы не вошел. Попробовал обратиться к артефактному костюму; представил себе огромный тюбик клея «БФ», и как он выдавливает содержимое такого тюбика на свою голову; размазывает его по всему костюму. И соответствующее ощущение появилось. И очередная порция волшебной пыли уже не стекала вниз, а скатывалась валиком, прилипая тонким слоем к артефактному одеянию. Всего Олег потратил на защиту полтора десятка бокалов. Продолжил бы и дальше «поливать» себя, но уловил краешком сознания какой-то отчаянный призыв из-за ворот, теперь отсутствующих. И принадлежал этот возглас, который маг назвал криком души, кому-то из своих, из четверки креатов.

Громов в один прыжок оказался в проеме. Остановился, оглядев поле битвы. Не подлежало сомнению, что это была именно битва, а не избиение «младенцев». Креаты успели накрошить тут врагов. Да, в общем-то, всех и уничтожили, превратив большой двор, мощный монолитом камня, в филиал какой-то скотобойни, в котором, к тому же, порезвился не слабый маг-огневик. От самих же бойцов, как одним мгновением успел отметить Олег, осталось лишь два черных пятна, и кошмарный блин, в котором невозможно было отделить плоть от металла и пластика. Но еще одна четырехрукая фигура была целой – как раз сейчас валилась к ногам единственной тут женщины-мага. Она, вместе с двумя сотоварищами, или соперниками, действующими сейчас вместе, стояла посреди этого кошмара, и чувствовала себя, судя по лицу, вполне нормально. Даже радовалась, кажется, чему-то.

– Может, моей предполагаемой гибели? – успел подумать Громов до того, как ему прямо в грудь вонзились сразу три меча.

Один огненный, другой из спрессованного тверже стали воздуха, и третий – невидимый, но от того не менее опасный. Последний послала в Громова магиня Разума. И она же первой скривила свое лицо в недоумении, и зарождающемся ужасе. Потому что эти удары, способные, наверное, расколоть на части скалы, окружающие место битвы, не причинили парню никакого вреда. А сам Громов почему-то был уверен в своей защите настолько, что даже не стал уворачиваться от них. Больше того – понял вдруг, что именно так и нужно было поступить. А потом воспользоваться совсем крохотным замешательством врага.

Артефактные мечи, а правый, длинный клинок уже восстановил свой магический потенциал после боя с шаманом, рассекли воздух абсолютно бесшумно. Хотелось бы сказать, что они пропели победный гимн. Но, увы – даже частицы воздуха были крупнее, чем их острия. А вот хруст и чавканье, с каким отрывались от туловищ головы трех магов, Олег услышал. А еще увидел – что эти головы, вращающиеся в полете, живые! Не все, кстати, вращались. Один из магов успел поймать свою тыковку, и сейчас пытался водрузить ее на место. И у него – понял Громов – это получилось бы.

– Если бы кто позволил это, – зло усмехнулся он, – я вот не позволю!

Он почти машинально поднял руку, на которую тут же намоталась коса магини Разума. Очень быстро она совершила три оборота вокруг кисти Олега; с четвертым исчезла – в сумке, после команды парня. Туда же отправились еще две головы; самую последнюю пришлось буквально вырывать из цепких пальцев мага Огня. Ну, а Воздушник уже валялся на камне – отдельно от своей головы. Оставались еще двое – Зита, это именно она уцелела в боине – и Горд, Истинный маг Земли. Который дышал, несмотря на кошмарную дыру в груди.

– И что с вами делать? – озадачился Олег, – куда девать?

Он собирался прямо сейчас, в пылу битвы, очистить этот двор. Огнем, конечно. Подошел сначала к креатке, наклонился, и тут же едва не отшатнулся – в этом четырехруком теле он не обнаружил ни капли жизненной энергии. А между тем женщина дышала! Громов дотро-

нулся до нее, до костюма, некогда серебристого, а теперь измазанного кровью и гарью; не ее, чужой. Костюм команду не исполнил. Тогда Громов отдал другую, дистанционно, уже компу скафандра Зиты. На такую команду, от постороннего разумного, условно разумный артефакт не мог не откликнуться – в случае опасности он герметично закрывался, отрезая тело хозяина от окружающей среды. А подавать сигналы опасности Олег умел.

Вот теперь все сработало. И тело в скафандре после следующей команды исчезло в сумке. А потом и другое, которого Олег разместил в ней с некоторой опаской. Дарфа-мага тоже пришлось поместить в скафандр; Громов, прежде чем закрыть его герметично, высыпал в него пяток порций зеленой пыли, и только после этого, успокоившись, отправил этот груз в сумку.

Он отступил к проему ворот, и уже оттуда руки полыхнули огнем. Невидимая преграда, недавно надежно защищавшая замок в проеме ворот от посягательств извне, словно опять выросла перед парнем. Он стоял с непокрытой головой, и протянутыми вперед руками, и не ощущал никакого жара. А во дворе, тем временем, бушевало пламя. Сколько времени это продолжалось? Какую часть внутренней энергии выплеснул наружу Олег? Не знал даже он. Громов в эти долгие мгновения постарался отвлечься от этой тягостной работы; от вида тел и их частей, которые корежило в пламени; от черного чада, поднимающегося клубами кверху; от белесых теней, которые обгоняли эти клубы.

На что отвлекся? На свою нейросеть, которая просигнализировала об изменениях в меню. Громов нашел страницу с этой отметкой. И удивился. И обрадовался. Значок, который высветился сейчас на нужной странице, он нарисовал недавно сам; в уме, конечно. И представлял он собой обычную хозяйственную сумку. Она ничем не напоминала Бига, в котором нейросеть как-то умудрялась контролировать внутренний объем. И сейчас сеть, точнее цифры рядом с этим рисунком, показывала, что объем этот увеличился – почти в десяток раз.

– Ага, – обрадовался Олег, – если это действительно так, то внутренний объем достиг уже двухсот кубов! Еще раз такое кратное увеличение, и в сумку весь бот поместится. А за счет чего, собственно, такая плюшка упала? А?

Он задал вопрос; убедился, что огненная метла по-прежнему «метет» по двору, и сам же ответил:

– Что могло повлиять? Точнее – что изменилось в этой сумке? Только то, что я сбросил в нее головы магов, два скафандра с телами, и порталную пыль. Какой вариант выбрать? Я за последний – в ней скопилось просто прорва энергии трех начал. Но, вообще-то, надо будет проверить; поэкспериментировать. А вот этот «эксперимент» пора заканчивать.

Олег почувствовал, что внутренней энергии, расход которой он не контролировал, остается все меньше и меньше. Он сжал ладони в кулаки, и огненный шквал иссяк. А еще раньше перестали взмывать к небу черные клубы дыма, и светлые, едва различимые тени.

– Все, – выдохнул он, – закончил!

Двор был пустым и чистым. Огонь очистил его не только от плоти, одежды и оружия двух противоборствующих сторон. Казалось, даже сама память о трех десятках разумных, погибших тут недавно, развеялась безвозвратно. Если бы не память парня, стоящего в проеме ворот – у него картину этой площади в самом страшном ее формате не смогло бы выжечь никакое пламя.

– И что дальше? – спросил Олег; опять у себя; после того, как эти тягостные мысли были упрятаны в самых дальних уголках души, – куда идти, и с кем?

Конечно, первым делом следовало вернуться в бот, и успокоить там девчат. Сейчас мелькнула еще одна мысль, от которой он невольно поморщился: «Что было бы, если бы он, совсем неопытный маг, не выжил в этой схватке с четырьмя монстрами магического искусства? Как бы пассажиры бота, которых там было теперь только четверо – Маша с Эльвирой, да две хакданки – выпутывались из положения? Ведь открыть двери из него без капитана было просто невозможно!».

Еще месяц назад Олег Громов отмахнулся бы: «А мне какое дело было бы тогда, после собственной гибели? Выпутались бы как-нибудь». Теперь такого порыва Олег устыдился. Дал себе твердое слово сделать привязку основных систем бота к Маше с Эльвирой. Но прямо сейчас возвращаться в него не стал – знал, что на этот раз вырваться из корабля без плотного сопровождения девушек не удастся. А что могло ждать их в замке, какие опасности – об этом не знал никто. Даже Гора Банг, памятью которого пользовался Громов. В результате он обошел бот, едва не касаясь плечом его теплой брони, бросил чуть печальный, а больше сердитый взгляд на открытые двери той платформы, которой прежде рулил Дан, и поманил пальцем экипаж другой летающей повозки. Вот этот экипаж, состоявший из шестерки орков с Иваном во главе, был дисциплинированным.

– В храбрости креатам ничуть не уступают, а вот в уме... даже с учетом более продвинутых сетей и имплантов четырехруких, я бы поставил все же на Ваню с командой, – решил он, – им его хватило, чтобы четко следовать моим инструкциям. Главная из которых та самая, про батьку, и пекло. Хотя (усмехнулся Громов) – насчет «бабки»! Я тут, пожалуй, почти самый молодой. Ну, если не считать Маши, точнее Нетты.

Он вдруг почувствовал себя глубоким стариком, с грузом прожитых лет и предстоящих проблем. Встряхнулся, чувствуя, как в тело возвращаются силы, а в голову ясность мысли. А Иван с орками уже были рядом, пытаюсь привычно выстроиться в одну шеренгу перед командиром. Но Олег махнул рукой, и пошел обратно, к замку. Проходя мимо бота, не выдержал, на несколько секунд открыл нужный люк наружной брони, и улыбнулся сразу четверем девушкам – все они сидели на кровати, в спальне.

– Одетые, – хмыкнул он неосознанно; вслух же практически выкрикнул, – все нормально. Мы победили. Ждите меня скоро.

Вскочить на ноги успела лишь Маша. Все остальные только открыли рты, но сказать ничего не успели – наружная дверь опять захлопнулась, и живая броня продолжила свое бесконечное кружение вокруг оси.

А гвардия со своим капитаном отправилась в разведку.

## Глава 5. Горделий Фаст, наместник герцога в Борске

Бешенство, что раздирало изнутри Горделия Фаста, могло бы, наверное, вскипятить, превратить в пар реку, у берегов которой вырос Борск – если бы оно превратилось в пламя. Увы, магией наместник не владел. И больше всего его бесил не сам факт унижения, которому он подвергся в общении с мальчишкой-магом, а то обстоятельство, что ответить ему адекватно Горделий не мог. Не только самому магу, но и его людям.

Фаст был достаточно осторожным человеком. И умным тоже, иначе не пробился бы на эту важную, и – что там говорить – очень доходную должность. Но больше денег, которые тоненьким, но непрерывным потоком текли на его счет в королевском банке, его привлекало в нынешнем положении уважение, которым он пользовался; в том числе от себя самого. И вот по нему, этому чувству, которое нельзя было потрогать руками, но без которого он определенно не мог спокойно жить, и прошелся своими сапогами, если говорить образно, этот парнишка.

Внешне наместник был спокоен. Вершил дела, принимал жалобщиков, ездил с инспекциями по городу. И дома – а там ждала жена, и слуги, среди которых больше всего было молодых хорошеньких девушек – тоже вел себя обычно. Необычной было та невидимая сеть с мелкими ячеями, которую он накинул на весь город поверх уже существующих. Доносчиков, тайных и явных агентов в городке у него хватало. Но самый богатый улов принес отчет десятника стражников, Горбата. Именно его десяток охранял въезд в город со стороны Злого Леса и Развалин. Оттуда приходили сквайды искателей; оттуда же появились, а потом исчезли летающие артефакты Ушедших, которыми владел маг.

Горбат подробно, в деталях, рассказал о своем дежурстве; до последней трещины описал все три артефакта; ну, и всех разумных, что прошли через хлипкие городские ворота, которые теперь нужно было восстанавливать. Тут стражник немного заволновался. Как понял наместник, он явно утаил какие-то сведения. Но нажимать на Горбата не стал; хорошо представлял, чем именно была вызвана такая заминка. О повышенном «налоге» на въезд в город чужаков знали все; и Горделий Фаст тоже. Знал, и закрывал на это глаза – если только стража не переступала все разумные рамки.

А Горбат – явно для того, чтобы поскорее замять эту тему – зачастил в своем рассказе. Как оказалось, он оставил напоследок самое главное. А Горделий, выслушав его, согласился с этим выводом. Речь шла о том, что прямо на въезде в город команда мага разделилась.

– Они смотрели на этого мага как... как... ну, на злейшего врага, – чуть запинаясь от невозможности более полно выразить свои впечатления, рассказывал десятник, – разумный, средних лет. И с ним три альвийки. Ребяшня. Одна, правда, уже вполне себе... хотя тоже, наверное, не больше двух десятков зим ей будет. Хотя кто их, альвов, знает?...

Тут наместник кивнул; об особенностях внешности этих остроухих красавиц и красавцев он хорошо знал. Больше того, многое мог рассказать о них и такого, о чем в приличном обществе не говорят. А уж с подчиненным, который стоял на служебной лестнице на несколько ступеней ниже, он и вовсе откровенничать не собирался. В том числе и о вспыхнувшем сейчас интересе – именно к альвийкам.

Горбат отдал воинское приветствие; потом, помешкав, еще и поклонился, и ушел. А Горделий Фаст вызвал помощника. Таких у него было целых четыре; сейчас понадобился тот, кто отвечал за силовую составляющую власти наместника герцога в Борске. Сам же Горделий отправился обедать – в ближайшую таверну, где у него было постоянное место у окна, отгороженное легкой ширмой. В окошко он и увидел, как помощник, с целым десятком, но уже из другой, внутренней стражи, ведет нужных ему разумных. Двое стражников были нагружены какими-то узлами; явно не легкими.

Легкий позыв бросить ложку в тарелку с мясным бульоном, и броситься в управу, которую он тоже видел в окошке, и в свой кабинет, точнее, кабинеты – рабочих комнат в крыле, которое занимал наместник, было полдюжины – Горделий подавил, хоть и с трудом. Его внутреннее смятение можно было понять. Точеная фигурка альвийки, которая шла, призывно виляя бедрами, и явно заигрывая с помощником, заставляли поспешить с обедом. А чувство важности, достоинства и самоуважения, которое, наконец, удалось вернуть, хоть и не в полной мере, утверждали – вести себя нужно, как обычно, как привыкли люди, хотя бы тот же хозяин таверны, который лично принес сейчас жаркое из нежной телятины.

– То есть, кушать размеренно, с аппетитом. И идти к управе не спеша, отвечая легким кивком поклонам горожан. И в управе не сразу принять доставленных. Пусть посидят в холодной, потрясутся от неизвестности, от возможных неприятностей.

За этими размышлениями, которыми он словно заговаривал себя, Горделий не заметил, как покончил с телятиной.

– И вино кончилось, – заглянул он в пустой бокал; подумал, но все же решительно отставил его подальше, – хватит. Все, как обычно, вкусно. Спасибо.

Это он заявил хозяину таверны, стоявшему рядом с умилением в лице. Горделий Фаст знал, что такая вот подчеркнутая радость на щекастом лице этого разумного не маска; хозяин действительно был очень доволен тем обстоятельством, что наместник герцога в Борске выбрал для ежедневных обедов именно его таверну. Наместник, конечно, никогда не платил, но преференции, которые имел этот человек в соответствующем отделе городской управы, перекрывали этот убыток как бы не в десяток раз.

Как и намечал, Горделий совершил небольшую прогулку по центральной улице города, совместив приятное с полезным.

– И жирок немного растрясти, и жителям показать, что власть не дремлет; она всегда рядом. Ну, хватит? Погулял?

Он кивнул самому себе, хотя два стража у дверей управы приняли это, наверное, на свой счет; вошел в здание, и легко вбежал по лестнице. Половина второго этажа здесь являлась его рабочим местом.

В кабинете, за огромным столом, на котором сейчас не было ничего, кроме его локтей – ими он оперся на столешницу драгоценного мраморного дерева – Горделий Фаст еще немного посидел в одиночестве. Он словно тянул время, разжигая собственное нетерпение и любопытство. Потом, продолжив таким вот образом «истязать» себя, велел привести не старшую альвийку, хотя страстно желал именно этого, а того разумного «средних лет и ничем не примечательного», как описал ему этого спутника мага Горбат. Сам наместник этого человека в окошко таверны не разглядел; жадно пожирал взглядом лишь фигурку альвийки.

– Как же, «не примечательный»! – подумал он в раздражении, когда влетевший в кабинет от сильного толчка в спину разумный вдруг принял горделивую позу, и выкрикнул:

– Я маг, уважаемый. Брон Патамбу, Посвященный третьего круга Жизни, и ближайший помощник Истинного мага Жизни Дора Му. И у меня есть важное сообщение для моего наставника.

Горделий с ответом не спешил. Размышлял; строил в голове расклады. В королевстве, и в Конклаве магов. Прежде эта таинственная организация была в глубоком подполье. Если и влияла на жизнь королевства, то опосредствованно, через магов, которые ему подчинялись, как говорится, душой и телом. Но уже больше двух десятков зим само упоминание этого могущественного объединения не каралось смертью на месте. Более того, нескольких Истинных магов он знал лично; что говорится – в лицо. Не стремился к общению с ними, но и не уклонился, когда ему такое общение предложили. Оно и понятно – наместник в городе, через который шел основной поток аретфактов Ушедших («Которые Конклав, кстати, проклял», – усмехнулся он), был человеком нужным, полезным. С ним в столице, где Горделий Фаст бывал

не очень часто, общались, пожалуй, охотнее, чем с самим герцогом Дайном Великолепным. Так что не вызывало сомнений – Истинные маги это не легенда, не страшная сказка на ночь для детишек. Поговаривали, что даже сам король...

– Но об этом даже думать нельзя! – одернул себя Горделий, – а вот о чем можно – так о разговоре двух Истинных, который я так удачно подслушал в королевском дворце. Никаких тайн, конечно. Просто упоминание, что этот самый Дор Му давно уже не появлялся в столице. Так что особой, приближенной к королю, он, скорее всего, не является. А значит, и разговаривать с этим магом, быть может, самозванцем, нужно соответственно.

Маг со странным именем Брон Патамбу за эту паузу, когда наместник неторопливо раскладывал мысли по полочкам собственного мозга, свой задор потерял практически полностью. И теперь Горделий видел перед собой разумного растерянного, таящего внутри себя страх и неуверенность. Такого можно было просто подтолкнуть; словами, даже не плетью или дубинкой.

– Какие сведения важные, а какие не очень, решаю тут я. Тебе объяснили, кто я такой, и что могу сделать с разумным, преступившим законы королевства?

– Объяснили, господин наместник, – часто закивал маг, – и да – никаких законов я не нарушал!

– Это мы сейчас проверим. Рассказывай!

– О чем, господин наместник?!

– Обо всем. С самого начала. А самое главное о том мальчишке, который тоже называет себя магом. Которого ты, и твои спутницы сопровождали; до Борска. И о той тысяче серебряных монет, которые обнаружили у вас. Это ведь тоже от него, парня, называющего себя магом. Правда, ветвь магии, в отличие от тебя, он не назвал...

– Он универсал, господин наместник, – машинально ответил Брон Патамбу, – а называет себя Олегом Громовым. Откуда взялся, непонятно, и именно с него начались все мои неприятности! Именно о нем я должен рассказать своему наставнику...

Речь Брона Патамбу лилась непрерывной рекой; лишь иногда она замирала – словно ее течению мешали какие-то камни. Горделий понимал, что немалую часть сведений этот Патамбу старается утаить; что они, эти тайны, могут объяснить все удивительные, даже невероятные события, что происходили недавно в Злом Лесу, развалинах древней столицы и степи оркусов. Причем совсем с другой, неприятной для Брона Патамбу стороны. Но сейчас этот рассказ прямо обвинял во многих грехах именно молодого выскочку, наглеца Олега Громова. И это устраивало наместника.

Наконец, ручеек слов иссяк. Брон явно хотел выплеснуть еще немало грязи на отсутствующего тут соперника, но Горделий слушать его по второму кругу не собирался.

– Хорошо, – стукнул он по столешнице, – мы этот разговор продолжим. Позже. Сейчас тебя отведут обратно в гостиницу, где ты остановился. Вернут деньги... четвертую часть, по справедливости. И ты будешь ждать моего разрешения. Думаю, что скоро ты увидишь своего уважаемого наставника. Ну, или другого Истинного мага.

Это он, усмехнувшись, пообещал уже про себя.

– А-а-а..., – затянул охрипшим голосом маг.

– А с остальными я еще буду разбираться, – наместник изобразил на лице суровость, и маг судорожно сглотнул, – может, ты и увидишь их. Иди – ты свободен.

В кабинет скользнул помощник. Получил нужные инструкции, и увел Брона Патамбу. А вместо него впустили альвийку. Но уже без толчка в спину. Девушка действительно была прекрасна. Но наместник не был бы столько зим на своем месте, если бы не умел совмещать многие вещи; иногда, казалось, несовместимые. И об одной из них, работе, никогда не забывал. Потому в лице альвийки, которая повела себя достаточно вольготно – подошла к столу, и наклонилась, опершись локтями так, что в расстегнутое одеяние, явно отысканное в развалинах, можно было

рассмотреть не только полные, совершенных форм груди, но даже пупок – все же проявилась неуверенность. А наместник жадно рассматривал не только внешние особенности. Искал и тот огонек ненависти к магу-самозванцу, Олегу Громову, о котором сообщил ему настоящий маг, Патамбу. И рассмотрел – лихорадочный блеск в глазах, который выплеснулся грязным ругательством, как только наместник упомянул имя молодого мага.

– Да! – выкрикнула она в полный голос, и наклонилась еще ниже – словно приготовилась к прыжку, – ненавижу его! Готова своими руками рвать, и зубами грызть – только чтобы уничтожить его! Вообще на все готова!

– На все, говоришь?!

Наместник вскочил не вальяжно, как обычно в этом кабинете, а стремительно, уже не сдерживая себя. Об обежал стол, схватил альвийку за руку, и потащил ее в двери. Не в те, куда вывели мага, и в которые вошла эта неистовая красавица.

– Пойдем! – поспешил он в спальню, которая тоже была в его апартаментах, – ты мне сейчас все расскажешь про этого Олега Громова. И не только расскажешь...

## Глава 6. Олег Громов. В подземелье копей Одинокой горы

Двери в замок были открыты. Ничего нового в большом зале, единственном внутри громадного здания, увенчанного шпилем с камнем-накопителем, Олег увидеть не ожидал. Все это – и гладкие стены без единого узора, и сводчатый потолок, и два трона посередине – он уже видел; глазами Горы Банга. И его же мысли утверждали, что стены, в которых не было видно ни одной трещины, скрывают в себе двери, а за ними внутренние помещения. А еще был обычный здравый смысл, который утверждал: копи – это ведь какие-то горные выработки. И раз их не видно на поверхности, значит, они расположены под землей. Там, предполагал Громов, и располагались настоящие апартаменты двух Истинных магов.

– Еще и гостей нужно было где-то размещать. А главное, работники – шахтеры, слуги, рабы... где-то там Артан с Громом. Ты не знаешь, где они? А ты?

Это Олег спросил у двух разумных, одетых как-то чересчур вычурно для обычных прислужников. Сам Громов назвал бы их дворецкими или, к примеру, мажордомами. Они стояли по обе стороны массивного каменного сооружения, которое в верхней своей части раздваивалось, превращаясь в два трона. Увы, ни один из них не ответил, даже не моргнул глазом. Нет, они, конечно, моргали, но совсем не в качестве реакции на слова юного мага, и его поступки. Какие поступки? Да он просто вбежал на постамент, потом по ступеням, которые располагались по бокам тронного ансамбля, и в анфас не были видны, и уселся на один из тронов. Потом на другой, отметив, что сидеть тут жестко и не очень удобно.

– Хотя, может быть, они просто не подходят по размерам моей заднице, – усмехнулся он, – один великоват будет... раза в три. А в другой с трудом втиснулся. А эти ребята даже не почесались.

Он спрыгнул, прямо сверху. Утвердился на ногах перед одним живым «истуканом» – мягко, без переката и приседа, словно с двадцатисантиметровой ступени бота шагнул. Хотя здесь, прикинул он взглядом высоту до сидения тронов, было не меньше четырех метров. Еще и посмотрел с победным видом на Ваню – смотри, как я могу!

Гигант предсказуемо улыбнулся. А Громов опять остановил взгляд на разумном, который сейчас даже не шевельнулся. Он был чуть ниже Олега; черты лица были незапоминающимися; разве что рваный шрам в левом углу рта заставлял бы невнимательного зрителя посчитать, что мажордом постоянно усмехается чему-то.

– Такое впечатление, парень, что кто-то сунул тебе палец в рот, и со всей дури рванул, – сказал Олег прямо ему в лицо.

«Парень», на вид вдвое старше юного мага, опять не дрогнул. Тогда Громов глянул в его глаза другим зрением, подвластным только опытным магам. Невидимый щит проник сквозь кожу и кости черепа, и Олег ужаснулся – настолько густыми и перепутанными были в мозге этого несчастного серые пряди плетений. Что это были именно плетения, а не мешанина магической энергии Разума, было件нятно. Сложная структура была скреплена в отдельных частях какими-то скрепами; многие части повторялись. Однако понять всю ее Олег был не в состоянии – просто не хватало знаний. Но одно он уяснил точно – вытащить эти пряди из ткани мозга силой, без соответствующих плетений, не получится.

– Выдрать – да, это я смогу. Но, вместе с корой, в которую проросли эти пряди. И что получу в результате? Нет – что получит этот несчастный? Ничего хорошего. Если не считать, конечно, что придется его добить, в порыве милосердия. И кто это тут так напутал? И кто сумеет распутать, не потревожив серых клеточек мозга? Понятно кто – Глайда Маир, Истинная магиня Разума, и здешняя хозяйка. Нет. Тут я не прав – бывшая хозяйка. Правильно я говорю?

Это он спросил уже у самой Глайды, у ее головы, которую незаметно для себя достал из сумки. Глаза у нее, кстати, по-прежнему были открыты; и она продолжила свое круговое движение, наматываясь косой на запястье парня. Недолго, всего один виток. Но этого ей, очевидно, хватило, чтобы послать какой-то сигнал, скорее всего, магический, обоим своим прислужником. Страшный груз опять исчез в сумке, а Громов шагнул в сторону, чтобы в него не врезался мажордом, который с яростным криком и поднятыми к бою кулаками бросился на него. Ну, не хотел Олег травмировать этого дядечку. Нетрудно было перехватить его в прыжке, нажать на нужные точки – чтобы не пришлось пеленать физическими или магическими путами. Одного не учел Громов – что за его спиной стоит Иван. И скорость принятия решений у этого гиганта мало чем уступает его собственной. А тело так реагирует еще быстрее.

– Нет! – выкрикнул короткий приказ Олег, и Ваня его исполнил.

Но – со вторым противником, который несся сюда же, к месту такой неравной схватки; тоже, очевидно, по велению своей повелительницы. Этого старший гвардеец просто ухватил левой пятерней за шею, приподнял и чуть придушил. Не фатально, лишь до потери сознания. А вот первому не повезло. На его голову обрушился огромный кулак, размером с эту самую голову. Человек рухнул на колени, и сразу же всем телом на пол. Смотреть на него было страшно – у него просто не было теперь головы. Иван одним ударом вогнал ее внутрь организма, сравнив макушку с плечами.

И сейчас стоял, виновато пожимая плечами.

– Второго-то отпусти, – велел ему Громов, стараясь не смотреть на труп.

Из последнего, кстати, не вылилось ни капли крови. Но в том, что пытаться реанимировать это тело магией, или в медицинской капсуле абсолютно бесполезно, Громов был уверен.

– Особенно магией, – покачал он головой чуть удрученно, – плетение-то внутри него никуда не делось. Ну, Глайда, баба стержовная! Что бы такого придумать вместо быстрой и безболезненной смерти для твоей головы?! Придумаю, не сомневайся.

Он сам глубоко внутри себя был уверен, что излишней жестокости не допустит даже в отношении таких вот монстров, как Истинный маг Разума. Но эта вспышка неприкрытой ярости позволила ему успокоиться, вернуться в реальность, которая пока ограничивалась залом с пустыми тронами и внимательными взглядами его гвардии. Ну, и двумя телами рабов бывших хозяев замка; одному из них Олег все же надеялся как-то помочь. А еще помощи ждали Артан с Громом, Дория и остальные гномы; еще, скорее всего, десятки рабов, которые обслуживали шахты и самих хозяев. Потому Олег велел Ивану (а точнее, его подчиненным) прихватить с собой оба тела – и живое и мертвое – и двигаться за ним. Сам же круто повернулся, и зашагал назад, к входным дверям. И уже оттуда начал обследовать стены.

Он вспомнил в этот момент еще раз гнома-искателя; молоток, которым тот обстукивал стены, и кувалду, которой Артан «вскрывал» замки. Олег тоже мог бы пошарить в сумках, и отыскать там какой-нибудь инструмент. Но зачем? – самые надежные и точные инструменты были всегда с ним.

– Это магия и знания из нужных баз, – едва слышно, под нос заявил он, останавливаясь в том месте, где магический шуп определил какое-то несоответствие общему массиву каменных стен.

Кстати, в этот массив едва пробивался лишь шуп коричневого цвета, сформированный магией Земли. Все остальные, а Громов потренировался, попробовал попеременно и другие, просто скользили по поверхности камня. Шуп же показал, где располагался замок. Олег опять вспомнил про кувалду Артана. Сам сейчас всмотрелся в этот участок стены. Здесь бесполезен был дроид-взломщик; а плетения, которые наложил на замок очень опытный маг, были неподвластны Олегу Громову. Хотя он их видел, но распутать...

– Да – если попытаться грубо взломать, может совсем заклинить. Или на этот случай предусмотрены какие-то ответные меры в адрес взломщика. Я-то, быть может, особо не пострадаю, а вот ребята...

За спиной шумно дышали орки, и Ваня. В этом дыхании Олег прочел, кроме самой работы могучих легких, еще и безграничную веру в него, своего командира и кровного собрата. И Олег не мог разочаровать их! Вгляделся в сложное плетение еще раз, и вдруг понял – что-то эти линии и узелки ему напоминают. Ну как же! – что-то подобное закрепилося в голове из базы знаний «Взлом», четвертый уровень которого он успешно освоил. А тут еще сами всплыли и «Программирование», и «Хакер». Мудреные переплетения вдруг стали понятными; каждая отдельно, и все вместе. Можно было восхищаться мастерством мага, собравшего этот сложный магический механизм; бесконечно любоваться картинкой внутри металла.

– А еще, – решил Олег, собираясь с духом, чтобы вторгнуться в эти безупречные построения, – удивляться тому, что обычная наука и техника смыкаются с магией – тем теснее, чем выше уровень у каждой из них.

Он уцепился шупом, как присоской, к первой линии; сдвинул ее совсем чуть-чуть. Потом еще. Разгибал невидимые скрепы, и собирал их в другом месте. Вполне можно было закончить, внеся изменения в основной контур плетения – тот, что отвечал за распознавание матрицы разумного, пытающегося открыть дверь. Но начинающему магу («Техномагу!»), – поправил себя Олег) этого было уже мало. Теперь он желал не просто взломать замок, а перепрограммировать его, привязать к собственной ауре. Как у него это получилось? Просто великолепно. Но это слово такое громкое. На деле же дверь просто распахнулась внутрь, без скрипа и щелчка язычка замка. Последнего, впрочем, тут просто не было.

Лестница, куда попали Громов со своей гвардией, сделала, наверное, целый оборот вокруг центральной оси. Которая оказалась залом, чуть меньших размеров, чем верхний, тронный. И уже в нем обнаружились другие двери, здесь ничем не замаскированные. Всего четыре, на равном расстоянии друг от друга и, быть может, как-то ориентированные. Увы – здесь, в толще камня, чувство направления Олегу отказало. Что удивительно, и нити в магическом пространстве были исключительно коричневого цвета, и они буквально теснились – хватай и твори!

Чему так сильно удивился парень? Просто вспомнил ту магиню, голова которой лежала в его сумке. Вот ей творить в таких условиях было очень проблематично.

– Или она тоже была универсалом? – выдвинул самому себе гипотезу Громов, – или использовала тут лишь внутреннюю энергию, или накопители... гадать можно долго. Нужно просто пойти и посмотреть.

Здесь запоры – тоже магические – были куда как проще. На первое плетение Олег затратил не больше пяти минут. Теперь и этот внутренний механизм подчинялся ему. А внутри оказался длинный ход, заканчивавшийся отработанными и действующими шахтами. Самих шахтеров, и разумных, обслуживавших их – как-то поваров, уборщиков, еще кого-то, не встретившихся Громову с командой, но непременно присутствующих тут – оказалось на удивление мало. Олег насчитал здесь не больше трех десятков душ. А сколько до них было загублено под сводами этих штолен, не мог сказать, наверное, никто.

Под землей тут был целый городок; со всей нужной инфраструктурой. И город этот жил и работал, не поняв еще, что остался без хозяев. Сам Громов не захотел признавать себя хозяином вот этих несчастных существ, которые внешне выглядели если и измождено, но вполне аккуратно, и даже сыто. Олег сунулся на запах в пищевой блок – там пахло вполне аппетитно; главное, что отметил Олег, тут готовили из натуральных продуктов. Он, было, и сам решил попробовать; вспомнил, как в каком-то фильме командиру полка в армейском пищеблоке наваливали кашу из солдатского котла. Впрочем, во время своей службы Олег такой картины не видел.

Что отвратило его от такого вот шага? Лица поваров. И они, и сами шахтеры, и работники какого-то металлоперерабатывающего цеха были неживыми, равнодушными ко всему, даже собственной судьбе. А физиономиями сильно напоминали дворецких.

– Кстати, парни все еще таскают их? Но здесь их приткнуть просто негде. На удивление высокий уровень порядка. Хозяев, какими бы нелюдями они не были, надо в этом отношении только приветствовать, – решил Громов, и тут же, – блин! Надо ведь будет и с этими несчастными разбираться! Быть рабовладельцем я не желаю, а у этого многоголового рабочего «организма» просто кончится когда-то завод. И они поумирают тут! Пусть даже грех будет не на моей душе... или на моей?!

Он резко развернулся, и поспешил назад, в общий зал, и следующую дверь. Здесь было царство Истинного мага Земли. Все говорило об этом – главным образом, мастерские, в которых несколько таких же безучастных к окружению гномов работали уже с чистым металлом. На вид это было обычное серебро, понял Олег. Хотя в таком количестве, да еще достаточно объемными чушками размером со средний кейс, он прежде этого благородного металла, конечно, не видел. Была и особая мастерская, или плавильня, запор в двери которой тоже был повышенной сложности. Но Громову был уже привычен алгоритм создания таких плетений; их явно формировал один маг.

Он зашел внутрь, оставив гвардию за дверью. Никто не мог подсказать ему, но Олег был уверен – именно здесь работал Истинный маг Земли, выделяя магический металл из таких же чушек, какие видел в другой мастерской. На это указывали и сами чушки, и лежащие рядом, отдельной стопой, тонкие пластины такого же цвета и, наверное, химического состава. Но Олег поднял одну такую пластину, прижал ее на несколько мгновений к щеке, и закрыл глаза. Почему-то представилось, что он сидит в капсуле, в капитанском кресле, и в первый раз сливается сознанием с живой броней. Ощущения были очень похожи.

Все пластины, а было их тридцать восемь штук, тут же оказались в сумке. Можно было прихватить и тяжеленные чушки, из обычного серебра. Но Громов решил заняться этим позже. Слишком много таких было в соседнем складе. Покои гнома-мага не поражали роскошью. Были удобными? Да. Но – только для средневековья, в котором и пребывал этот мир. Ванна с горячей водой и теплый клозет, конечно же, присутствовали. И огромная кухня, где как раз что-то жарилось, пеклось – прислуга тут явно готовилась к приходу хозяина.

Олег не стал острить – мол, вот я и пришел; встречайте! Никто бы из прислуги тут его бы не понял. Здесь тоже были безучастные взгляды, и никакого удивления, или возмущения – когда совсем посторонние лица, Громов с Иваном и орками, бесцеремонно расселись за столы в столовой, и принялась уничтожать припасенный...

– Обед, или все-таки поздний завтрак? – лениво размышлял Громов, обгладывая косточку какого-то животного, – а неплохо тут этот маг пристроился. Но я бы не смог жить тут год за годом, ощущая тонны камня над головой. А этим бедолагам определенно не светило еще раз увидеть солнце и звезды. Все-таки надо постараться; решить эту проблему. Помочь людям – раз. А еще, может пригодиться, в будущем. Но где же все-таки Артан с Громом? И остальные?

Остальных он нашел – двух гномов, которые вполне могли вписаться в сквайд Миры Ройт. Жили они в отдельной каморке, и при появлении мага даже не соизволили подняться со своих узких и жестких кроватей. А когда Громов зацепил одного – кажется, его звали Арамом – и утвердил на ноги перед собой, гном просто глядел сквозь Олега, словно того здесь не было. Счет к магине Разума вырос еще на две души. Их Олег велел тоже тащить за собой. Впрочем, оба гнома были вполне управляемы. Орки просто схватили их за ладони, и два бездушных, по сути, создания послушно засеменили за ними.

Следующая часть подземелья была отведена под гостевые покои. И главной причиной, указывающей на это, были даже не богато обставленные номера – на несколько комнат,

с отдельной прислугой – а тот факт, что магический фон тут резко отличался от общего для подземелий.

– Вот тут вполне комфортно себя чувствовали бы и маги всех других ветвей, – констатировал Олег, вытаскивая из пространства сразу две нити зеленого цвета (других там тоже хватало), как же им это удалось?

Руки привычно плели два малых целительских заклятия, а мысли не могли поверить ощущениям тела. Казалось, что эта часть подземелья никак не относится к копиям; что кто-то могущественный вырвал кусок пространства в месте, где ничто не мешает присутствовать всем ветвям магии, и перенес его сюда; причем связи с родным пространством этот кусок не терял. Лишь один зал – огромный, мрачный, был тоже окутан энергией камня, и Истинного серебра. Тут были остаточные эманации других ветвей. Олег даже принялся, хотя в ход нужно было пускать другое чувство, обычным разумным неподвластное. Он и пустил, и определил, что недавно тут бушевала огненная магия, и металась под каменными сводами, пытаясь их обрушить, воздушная.

Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы сделать нехитрый вывод – здесь магичили; скорее всего, проводили тренировки гости копей Одинокой горы – Истинные маги Огня и Воздуха. У самого Олега тоже руки зачесались; захотелось шарахнуть чем-то серьезным по этим стенам. Как будто он не поливал недавно огнем площадь перед замком. Впрочем, тут и повод был «повеселиться». Если можно было, конечно, говорить подобным образом по такому трагичному случаю. Олег велел оставить тут труп. Для этого несчастного существа он мог сделать последнее, что было в его власти. Предать огню; самому распространенному в этом мире способу прощания с усопшими.

Орки удалились, оглядываясь. Последним огромный зал, размерами с пару футбольных полей, покинул Иван. Дверь, в которую он вышел, аккуратно прикрыв ее, была обычных размеров. Так что гиганту пришлось хорошо так наклониться, чтобы нырнуть в проем. Громов проводил его взглядом, и повернулся к телу, что лежало у его ног. Отошел на десяток шагов, и послал вперед мощный импульс огненной стихии. И поддерживал его до тех пор, пока не почувствовал, что начинает плавиться даже артефактный камень, а именно так можно было назвать все стены, полы и сводчатый потолок пещеры. В пещере, кажется, стало даже свежее – несмотря на океан огня, который бушевал тут только что. А Олег поспешил к четвертой двери, в предназначение апартаментов за которой не сомневался.

Он лишь открыл эту дверь, и гвардия попятилась. Не в страхе, а если и в нем, то иррациональном – никаких видимых причин для тревоги в коридоре, который открылся глазам, не было.

– Тут надо смотреть другими «глазами», – пояснил себе Олег такое вот не типичное поведение орков, и даже бесстрашного Ивана, – магическими. А в них прекрасно видно, что внутри все буквально бурлит от энергии серого цвета. Вот тут и жила наша красавица.

Он имел в виду магиню Разума, И в своих словах, в общем-то не шутил. Глайда Маир действительно была очень привлекательной женщиной, на вид не старше его самого. Хотя Громов предполагал, что лет ей...

– Ну, никак не меньше восьмидесяти – судя по рассказу Брона. А скорее, намного старше. Тот увидел ее впервые сорок три года назад, и она уже тогда была Истинным магом. Вряд ли такой можно стать за красивые глаза. А как можно стать таким магом? Что-то там Брон Патамбу говорил о том, что двух Истинных в одной ветке быть не может. Подробностей, конечно, он не знал... как всегда...

Иван все же пересилил себя, сунулся вслед за командиром в покои Глайды. Но Олег только отмахнулся; причем так, чтобы не обидеть этого великана, добродушного с ним, и очень сурового со всеми остальными в мире. «С ним» – включало всех, кто связал себя с Громым кровной клятвой. Сам Олег сейчас имел вид какого-то лешего; или большой стройной

лягушки. Из-за сплошной зелени порталной пыли, которой он покрылся по уже отработанному методу.

– Твоя задача, – сказал он очень серьезно Ивану, – следить. Чтобы ни одна душа не проскользнула в эту дверь. Справишься? Справитесь?

Иван на этот вопрос лишь улыбнулся. А сам Громов через какое-то время, очень короткий его промежуток, ругался на себя, на свою оговорку.

– Говорил про души, – чертыхнулся он, переступая порог комнаты, которая определенно являлась библиотекой, – получи, пожалуйста.

В полумраке этого хранилища знаний, из-за дальнего стеллажа с книгами, часть которых сам Олег мог бы поднять, если бы обхватил сразу обеими руками, на него вдруг поплыла фигура. Он, конечно, не испугался; только фыркнул, вспомнив еще один старый, еще черно-белый фильм:

– Прямо какой-то призрак замка Моррисвилл. Или как здешний замок называется? Знаешь?

Это он спросил у привидения, которое действительно наплыло, и остановилось в двух шагах от парня. И тут ему действительно стало жутко. Не от самого факта появления здесь этого феномена; просто он вдруг рассмотрел в едва заметном лице фантома черты орка Грома. Олег невольно скастовал малое плетение Жизни; за неимением нужных нитей вокруг добавил в него собственной энергии, и запульнул заклятие в грудь привидения. Точнее, просто вложил его, дотянувшись рукой до впалой, по-прежнему, груди орка. Туманное облачко, которым был представлен фантом, сгустилось, и резкие черты проявившегося зеленым цветом лица уже явно утверждали – тут действительно присутствует душа, а может, и что-то еще от знакомого ему искателя. Скорее для успокоения совести он спросил, обращаясь внутрь себя; как когда-то к Маше, Помощнице:

– Ты ли это, Гром?

И призрак ответил; а может, это сам Олег вызвал в голове нужный ответ:

– Это я, Олег. Ты с Мирой? С ней все в порядке? А Артан?

– Вот это ты молодец! – восхитился Громов, обращаясь теперь точно к себе самому, – сначала про друзей, про их судьбу беспокоится.

– С Мирой, – кивнул он, не вдаваясь в подробности, которые и сам уже считал несущественными, особенно после сегодняшней ночи, – про Артана у тебя хотел спросить. Нет его тут? И никто сказать мне не может.

Он тут же замер; сделал в памяти отметку – ведь Гром был в замке, и его подземелье единственным разумным, который мог по праву назвать себя так. Хотя и не имел никакого вещественного подтверждения своего существования. Как предположил Олег, обычный человек Грома не заметил бы; даже вот в таком, более густом виде. Ему пришлось еще трижды поделиться своей энергией и нужным плетением с орком; прежде, чем тот закончил рассказывать о своих злключениях. Вспомнил бывший искатель и о некоторых оговорках хозяйки, Глайды Маир. По ним выходило, что Артан с Дорией сейчас где-то в пути, на платформе, следующей с неведомыми для Грома целями по одному, раз и навсегда утвержденному маршруту. Когда они вернутся, и кого еще привезут с собой? Олег задал этот вопрос орку, а потом себе, и не получил ни одного ответа.

Но вывод сделал:

– Когда бы они не вернулись, нужно быть готовыми. К чему? А хотя бы к тому, что могут появиться другие Истинные маги. Эти же вот – Огневик с Воздушником зачем-то прибыли?

– Точно! – воскликнул Гром так энергично, что Олег подумал: «Ого! Неужели к тебе речь вернулась, парень?».

Это, конечно, было не так. Просто очень яркими были эмоции – Гром радовался, что может помочь магу.

– Я вспомнил! Хозяйка действительно ругалась, самыми черными и грязными словами. Вспоминала какую-то магиню Чувств, которая собиралась явиться сюда незваной. Еще говорила – не мне, конечно; на меня она не обращала внимания – что задушила бы эту стерву собственными руками, но вот придется принимать ее тут, как почетную гостью, улыбаться и разговоры вести.

– Уже не придется, – усмехнулся Громов, заставив тень рядом, которая опять побледнела, колыхнуться в недоумении, – а если и придется, то точно не с той, которую ты называешь своей хозяйкой. Забудь. Хозяин у тебя только один. Ты сам! Не совсем полноценный, конечно. Пока...

– Пока?!?!

Тень словно опять стала густой, насыщенной, хотя никто с ней энергией не делился, – ты сможешь вернуть меня... ну, обратно?

Олег ни обнадеживать стопроцентно, ни отказывать с таким же результатом не стал. Только пообещал:

– Я постараюсь. Я очень постараюсь.

И обещал он при этом не только Грому, но и десяткам несчастных разумных, которые бродили по этим подземельям, не осознавая, что их жизнь скоро круто поменяется – в любом случае.

Гром все же остался пока тут, в библиотеке. С поручением от мага – отобрать самые ценные экземпляры книг. Магических, естественно. Оказалось, что для духа не представляет никакого труда проникать под толстые обложки, бродить тем, что осталось от сознания живого существа, по страницам книг. И сказать про Грома, что он безмерно страдал все эти дни, было бы не совсем правильно. Он сам сказал об этом – уже в спину Громова, открывшего дверь, и прошелестел, добавив:

– А может, я просто ждал, когда придешь ты, Олег.

Юный маг поспешил сбежать от этого надрыва в едва слышном голосе в голове, от надежды, которую он пока не знал как оправдать.

– Если и есть ответ на эти вопросы, – подумал он, энергично шагая к следующей двери в апартаментах, – то они могут быть здесь. А, – нет! Здесь их быть не может.

За этой дверью скрывались жилые помещения хозяйки копей. И девушки-прислужницы тут были; тоже с пустыми глазами – в них даже тоски не было! Все как на подбор – красавицы, с цветущим цветом лиц, ухоженные и, не живые, по сути. Олег выскочил в дверь, только встретившись взглядом с первой из них; не успел даже пересчитать. А вот за следующей дверью были другие тайны, к которым Олег был не прочь прикоснуться. Даже жаждал окунуться в тот массив знаний, который тут явно присутствовал. Он попал в лабораторию мага Разума. Да, была и такая. Мрачные стены, сходящиеся в сводчатый потолок; широкий и длинный стол посреди комнаты, на котором лежал обнаженный мужчина. Длинный стеллаж у стены, уставленный кувшинами, или подобными им емкостями с притертыми крышками на узких горлышках.

Громов, прежде, чем подойти в центральному столу, который сильно напоминал проекторский, осторожно взял в руки крайний кувшин. Примерил его на вес; щелкнул пальцем по боку, вызвав лишь глухой стук, и попытался проникнуть внутрь магическим щупом. Судя по тому, что получилось сделать это лишь «инструментом» коричневого цвета, изготовили этот кувшин из Истинного серебра. Внутри же его определено что-то, или кто-то был. Но что именно, Громов определить не смог. Как и в соседнем, и в остальных в этом ряду тоже. Последний такой сосуд стоял на отдельном столике, что приткнулся в углу вровень с длинным стеллажом. Олег, взяв его в руки, едва не уронил кувшин на пол – таким тот был тяжелым.

– Ага, – почему-то довольно констатировал он, – а стенки-то тут толще! Как бы не в десять раз, чем в остальных. И кого же сюда упрятали?

Чему он радовался? Тому, что получил в трофеи с этим кувшином никак не меньше полуцента редкого, и очень дорогого металла? Или тому, что почувствовал – сейчас он прикоснется к какой-то важной тайне?

Прикоснулся. Естественно, щупом цвета Земли. С трудом протискивался внутрь; пришлось даже представить себе, что его магический инструмент суть сверло, а сам он электрическая дрель. И ощущения были такими же, как когда-то в родном мире; в редких случаях, когда он брал в руки инструмент. Вот точно так же «сверло» провалилось внутрь, преодолев толстую металлическую стенку. Олег даже подался вперед, едва не упав, и не перевернув хлипкий столик, на который вернул тяжелый сосуд. И замер, обнаружив внутри вещественное проявление присутствия неизвестной сущности. Крохотный внутренний объем сосуда словно разросся до размеров космоса. И в нем носилась, словно беспризорная, единственная звезда. Что она означала, кому принадлежала прежде?

Олег получил ответ практически сразу, и очень неожиданно для себя. Сквозь тот щуп-сверло, который он так и не вытащил наружу, вдруг к нему, прямо в черепную коробку потекла какая-то энергия. Громов инстинктивно создал внутри этой трубы, которую не смог развеять, оторвать от себя, такой же фильтр, каким уже пользовался – в боте, рядом с тремя капсулами, отрезая от себя волну злой черной энергии. Здесь цвет магии, а это определено она сейчас стремилась заполнить голову Олега, обозначить было сложно – все затмевал яркий цвет той самой звездочки. Которая, кстати, тоже прилипла к торцу трубки и пыталась прорваться сквозь выстроенный заслон. Что-то определенно проникало внутрь мозга; не меньше истекало по щупу из сосуда, но не имело силы преодолеть магический фильтр Громова. Наконец и звезда, сделав последний рывок, все же ворвалась внутрь головы, и заметалась уже там.

– Эй, – поморщился Громов, не ощущая никакой боли и, что странно, тревоги, – не так шустро. Ты... нет, вы! Не хозяйки вы тут!

Это он обратился уже к трем звездочкам в своей голове; первоначальная звезда как-то растроилась (от слова «три»), и теперь эти три товарки словно гонялись друг за другом. Олег весь сосредоточился на внутреннем пространстве своего мозга. Почему-то пришла уверенность, что все будет хорошо – если только он сумеет приручить эти звездочки. Нашарив рукой стул, который приткнулся к столику, он вытянул его, не глядя, и сел, откинувшись на жесткую спинку. И только теперь заметил, что яркие звезды в голове в своем хаотичном движении немного тормозят; словно притягиваются определенными точками. Таких внутри черепа Олега Громова было двенадцать – имплантов нейросети, сейчас разросшихся до крупных, с горошину, плотных бугорков. Еще были параллельные потоки сознания, числом сейчас десять, но видеть их он не мог; лишь управлял ими. Ну, или пользовался. Сейчас как раз такой момент наступил.

Продолжая копаться в своей голове, он не спускал взгляда, а точнее, одного потока сознания, от той темно-серой, неприятной даже на расстоянии массы, которую удалось не пропустить сквозь фильтр. И которая, сформировавшись в тучку, двинулась по воздуху обследовать просторы лаборатории. Попыталась коснуться Олега, и тут же отдернула свои щупальца, и сама вся дернулась назад. Даже, показалось парню, зашипела.

– Ага, не понравилось, – чуть не расхохотался он этим потоком сознания, – хочешь, я еще пыли зеленой добавлю?

Туча словно услышала, или поняла его. Отлетела, и начала поочередно обследовать кувшины. Тут тоже отдергивала свои щупальца, но уже не так резко.

А другим потоками Олег сейчас направлял вновь сформированный щуп внутрь головы. Был он зеленого цвета, и на остром кончике у него, как уже не раз бывало, висела сочная капля энергии Жизни. Вот эта капля коснулась одного из имплантов (неважно, какого именно), и впилась в него. И тут же одна звездочка метнулась к нему, и прилипла. Может, и пыталась оторваться, вернуть себе свободу и подвижность, но в каплю Жизни Громов добавил

совсем крохотную частичку клея «БФ». Магического, конечно; а может, и вовсе виртуального. Просто представил себе такую картинку – и вот уже одна звезда застыла на мете. И в Олега потекло немыслимое количество информации. Его мозг был привычен к такой вот операции, еще с того времени, когда он знакомился с «биографиями» Вани Степанова и Галамеда ал Никода. Теперь же, к своему изумлению, и даже некоторому отвращению, он жил, и учился магии вместе с Истинным магом Нежизни, или, говоря понятным ему самому языком, самым могущественным магом-некромантом. Сухо, без всяких эмоций, этот маг, которого звали, как специально, Некроцием, рассказывал, как познакомился с красавицей Глайдой; как делился с ней, адепткой родственной ветки магии, своими знаниями. Он был старше магини Разума на добрых полтысячи лет, но что это было для двух любящих сердец – так считал тогда некромант. Как оказалось, такое сердце было лишь одно – его собственное. Выведав практически все его секреты, и в том числе главный – способ изъятия из тела разумного его души, знаний и опыта – Глайда одной прекрасной ночью исполнила этот «фокус» на любимом. Который таким, конечно же, для нее не являлся. Олег добрался до самого «дна» кувшина, до детских лет Некроция. До того времени, когда в мире Самах еще не слышали про Содружество, и полным ходом шло формирование магических государств. Конклава, кстати, тогда тоже еще не было. И некромантия была вполне почитаемой веткой магии.

Олег выхватывал эти знания кусками, буквально пролетая в воспоминаниях годы, и целые десятилетия. Он чувствовал, как стремительно течет время. Что в боте ждут, беспокоясь, Маша с Эльвирой, а в зале, перед дверью, Иван с гвардией.

А тут еще и серое облако предприняло новую атаку – теперь на тело, лежащее на столе. И вот тут ему, наверное, сопутствовала удача. Олег понял уже, используя в том числе частичку новых знаний, что это мечется неприкаянная душа Некроция. Олег видел все это, не открывая глаз. И сейчас он, неожиданно для себя, пожелал успеха древнему магу, его душе, определенно черной от множества злодеяний. И это пожелание словно помогло некроманту; в первые мгновения. Неподвижный труп вдруг дрогнул. По обнаженному телу пробежала волна крупной дрожи. Руки и ноги начали дергаться, словно душа и тело никак не могли сработать вместе. Но все же ему, незнакомцу, удалось сесть на столе, и свесить ноги – обратив уже открытые глаза к Громову. Ну, и Олег открыл свои. И увидел, как лицо, только что гладкое, чисто выбритое и уже живое, начало стремительно стареть; покрываться морщинами, и зарастать клочковатой бородой; сразу седой. И вся его фигура съеживалась, а кожа сморщивалась. В сочленениях проявились толстые кости; потом стали видны ребра, и вообще весь костяк. На пол упало уже совсем усохшее тело. Оно, как понял Громов, состарилось вместе с чужой душой. А ту, в свою очередь, давно ждал такой конец, но магия оттягивала его год за годом.

– Или, – усмехнулся Олег, совсем не потрясенный этой картиной, – как говорят в этом мире, зиму за зимой. Как-то так. Ну, а с вами что делать? И откуда вы взялись, такие шустрые.

Громов уже знал – из тех самых кусков памяти Некроция – что звездочка, которую он прикрепил к одному из имплантов, и есть отличительный знак Истинного мага. Неизвестно, откуда взялись первые две, и сколько их на самом деле бродит по миру – законных, и объявленных вне закона – но одно было точно: метки эти передавались по наследству. И выбирали нового хозяина, или носителя, сами.

– Это Некроций так утверждал, – сделал все же оговорку Олег, – а вот что вы скажете?

Он все же закрепил две другие «звездочки» к имплантам, но распаковывать эти ЗИПапки не стал. Оставил на потом – когда будет время посвободней, и соответствующее настроение, и готовность сделать новые открытия в собственной башке – какими бы неприятными они не оказались.

А пока он пошел назад, к живому солнцу и воздуху.

– Ну, и к головнойке, которую мне устроят девчата, – улыбнулся он, закрывая за собой дверь, – ой, бедная моя головушка – что ей еще сегодня предстоит вынести!

## Глава 7. Король Ергус Первый. Малый Совет

Стены этой комнаты в королевском дворце, а также вся обстановка, включая негасимые светильники, которые сейчас освещали озабоченные лица шести могущественных магов, были полностью созданы фантазией, волей и искусством магии Иллюзий. Именно в этой ветви магии был силен сам король. Низенький, добродушный с виду, вечно веселый толстячок правил страной, занимавшей весь континент, с первого дня основания королевства. Это произошло практически сразу, как только Внешники, они же миры Содружества, смели с лица земли практически всю цивилизацию мира Самах – со всем, что они сами привнесли в этот мир.

Тогда стал вопрос – что образуется на обломках империи и ее сателлитов, которых на континенте было десятка полтора? И кто возглавит это новое образование; если оно, конечно, появится. Естественный ход развития, скорее всего, возродил бы поначалу мелкие баронства и королевства, которые росли бы – тем быстрее, чем умнее, хитрее, или воинственней был их государь. Потом были бы войны, опустошившие бы и так невеликое население, которое на большей части материка перемешалось; за исключением разве что южной его части, степей, которыми безраздельно владели оркусы. Ну, так никто на эти бесплодные земли и не претендовал. Пока.

Так бы все и случилось, если бы дело не взял в свои руки Конклав. Ну, вот пришла в голову кого-то из Истинных магов такая блажь. И Конклав своей властью – где-то просто повелением, а где и силой, кровавыми аргументами – создал королевство, которое назвали так же, как его столицу – Банин. И вся грызня жаждущих власти авантюристов, проходила уже внутри государства; часто под его контролем. Королем же по решению Конклава стал Ергус, Истинный маг Иллюзий. Не то чтобы у него было больше честолюбия, или жажды власти. Просто кто-то из Истинных предложил его, а Ергус не смог отказаться. Точнее, просто отмахнулся – он тогда как раз занимался одним проектом, связанным с градостроительством. Вот и согласился; на время, конечно. И сейчас так считал, хотя прошло уже почти три сотни зим его правления.

А проект, кстати, был связан с новой столицей королевства. Старую, имперскую, разгромили до основания Внешники; жить там было невозможно. Да и сам Конклав наложил на ее посещение кучу запретов, в том числе великое заклятие на Лес, окружавший развалины. Это был, кстати, один из немногих, исключительных случаев общей работы Конклава. Ну, не любили Истинные маги друг друга. Сами не понимали такой враждебности, но преодолевать ее не спешили. Разве что временные, ситуативные союзы заключали. Вот как сам король с пятью Истинными, которые поселились в столице.

– Нет, – поправил себя Ергус Первый, остановившись взглядом на строгом лице зеленоволосой магини, Гордензии, Истинного мага Природы, – не все.

Пятеро других Истинных, во главе с самим королем и построили, по сути, столицу. Не своими руками, конечно – тысячи и тысячи рабов и свободных людей воплощали в реальности проект Истинного мага Иллюзий. А Ергус создал огромную, не разрушавшуюся многие зимы иллюзию, которую работники заполняли камнем, деревом и другими материалами. И первым так построили королевский дворец. Гордензия в это время растила вокруг столицы живой защитный пояс – Лес. Как пошутил один из Истинных, закладывала базу для следующего состава Конклава – если придется накладывать общее плетение вокруг новых развалин. Ергус этих слов не забыл, как и имени мага, «пошутившего» так зло. Свое детище, город с дворцом посреди, он любил. Ну, или что-то похожее чувствовал. В настоящую любовь он, как и другие маги, прожившие не по одной сотне зим, не верил. Хотя бы по той причине, что знал, видел, как такое вот безудержное чувство можно вложить в голову и сердце разумного плетением. Особенно хорошо, практически безотказно, это получалось у магини Чувства, Ката-

лины. Но ее здесь, в самом защищенном помещении королевского дворца, не было. Эту комнату, одновременно строгую и богатую отделкой, Ергус Первый создал сам. Овеществленная иллюзия – вот как называлось это чудо. Пришлось, правда, истратить при этом большую часть своего запаса Истинного серебра, но результат того стоил.

– Наверное, теперь это самое защищенное место в мире, – самодовольно подумал он; не в первый раз, кстати, – даже шахты Горда с этой комнатой не сравнятся. Потому что там сила Истинного серебра распространена хаотично – так, как расположили его в камне силы природы и случай. А здесь, у меня, они структурированные, многослойные, и пронизаны нужными плетениями. Ну, так оно того стоило. Выдержали бы, пожалуй, даже самый сильный удар Внешников с небес. Правда, не очень уютно будет потом выйти в эту дверь – прямо в развалины. Но разговор с Внешниками пока только начинается. Думаю, до новых бомбардировок дело не дойдет.

Король чуть поморщился – как и всегда, когда речь заходила о Внешниках. Вот и сейчас этот Совет, который он называл Малым, в отличие от Большого, когда собирался весь Конклав (а были еще и Королевский, и Военный, и Чрезвычайный), собрался тут, как только прозвучало это ненавистное слово: «Внешники».

– А произнес его, потребовав встречи... – он перевел взгляд с лица Гордензии на другого Истинного мага, Эфира, – именно он. Послушаем, что он нам сейчас расскажет.

Тревога все же зародилась в груди короля, хотя внешне он был абсолютно спокоен. Ергус обвел взглядом уже всех своих наперсников – ситуативных конечно, готовых в любой момент переметнуться в стан врага, если такие появятся, как появится и необходимость в таком поступке. Слово, и само понятие «Предательство» в тесном кругу Конклава не употреблялось, поскольку ни один поступок Истинного мага другими так не воспринимался. Зато были слова «необходимость», «выгода» – сиюминутная, или стратегическая.

Итак, за круглым столом сидели – король называл про себя их по той ветви магического искусства, которое они представляли, – Природа, Эфир, чье могущество позволяло ему оказаться сознанием в любой точке планеты; связаться с разумными, которые были в состоянии ответить ему. С магами, естественно. Причем, «обычные» маги на его призыв просто не могли не ответить. Истинные же могли и не откликнуться – если не желали. Эфир, кроме этой вот связующей роли в Конклаве еще руководил школой магов, которая занимала целый квартал столицы. При отличной памяти он помнил всех ее выпускников, и служил для Конклава, по сути, информаторием и почтовой службой; если и когда хотел этого, конечно.

Рядом сидел Истинный маг Звука. Сам этот искусник предпочитал, чтобы эту ветвь называли Голосом. И себя называл золотым Голосом королевства. На его концерты собирался практически вся столица. А появление в других городах заставляла жизнь там замедляться; крутиться лишь вокруг его персоны. Но мало кто знал, или даже видел, что может натворить магия его Голоса, если ей придать разрушительные свойства. Сам Ергус был свидетелем, как рушились скалы, и море отступало от берега, словно уstraшенное звуковой волной. Вид же у этого мага был соответствующий – высокий красавец-блондин, любимец женщин, к которым, кстати, относился с полным равнодушием.

Следом по кругу сидела Левитация. Эта невзрачная, не стремящаяся к популярности магиня оказала самую существенную помощь королю – когда строилась столица. Эта хрупкая на вид женщина, самая старшая в конклаве, кстати – ее возраста не знал никто, а сама она на эту тему не распространялась – могла поднимать в воздух не только саму себя и других разумных, но и громадные каменные глыбы, и еще более тяжелые стальные конструкции. Именно она передвинула, а по сути, просто подняла, и аккуратно поставила на подготовленные места огромную, на вид ажурную конструкцию моста, который соединил две части столицы, разделенные рекой.

Мост этот был построен магией Горда, Истинного мага Земли. Но этот гордец в кабинете Малого Совета ни разу не появлялся. Они с королем испытывали взаимную антипатию. И в последний раз виделись именно тогда, когда шло активное строительство столицы. Сколько с той поры утекло воды в реке, через которую был переброшен мост, было страшно даже представить. Впрочем, король от этого ничуть не страдал.

И, наконец, последним, а с другой стороны первым от Ергуса Первого сидел Время. Худой и высокий старик с длинной бородой, который на всех, даже на других Истинных, смотрел с каким-то сожалеющим взглядом. Словно уже знал их будущее, и оно было отнюдь не блестящим. Сам Ергус видел в действие только такое воздействие этого мага на действительность, как ускорение, или, напротив, замедление и даже полную остановку Времени. И пару раз сам подвергся этому воздействию. Со своего разрешения, конечно – иначе воздействовать друг на друга Истинные маги не могли.

– Незабываемые ощущения, – вспомнил тот эксперимент король, – только вот испытывать их больше почему-то не хочется. Хотя при необходимости...

Эфир кашлянул, возвращая короля из воспоминаний и отвлеченных размышлений в реальность. За этим столом не было главного, но Ергусу по умолчанию отдавали роль ведущего. Он тоже откашлялся, и действительно вернулся к этой роли:

– Итак, тебе сообщили о Внешниках. Кто сообщил?

Получилось, как на допросе, но Эфир этого словно не заметил.

– Дор Му откликнулся на мой призыв. Вернее, это я почувствовал, его беспокойство, и желание пообщаться.

Дор Му – так звали Истинного мага Жизни. Тот жил не очень далеко от столицы, в выбранной самим живописной долине. Лес там, конечно, был не таким густым и могучим, как во владениях Природы. Да и замок у него был – не чета королевскому, или, к примеру, владениям тех же Горда с Глайдой Маир. Но такая вот отшельническая жизнь этого мага вполне устраивала. Он и сбежал-то из столицы когда-то от бесчисленных просителей, жаждущих прикоснуться к его искусству. А попросту – излечиться от тяжелого недуга, обрести молодость, или красоту тела. Ергус и сам когда-то пользовался его услугами; пока сам не вошел в силу, как Истинный маг.

– И что – пообщались?

Это как-то с ленцой, протягивая каждое слова, заинтересовалась Левитация. Она вообще все делала медленно, пока не поднималась в воздух.

– Конечно, – кивнул Эфир.

– И какую же новость о Внешниках сообщил наш затворник? – спросил уже король.

– Лучше спросить у самого Дора Му, – пожал плечами Эфир, – об этом у нас был уговор.

Это он указывал на собственные способности и возможности хозяина этого уникального помещения. Ергус, подумав, кивнул. Незначительное снижение уровня защищенности вполне компенсировалось серьезностью ситуации. Да и похвастать хотелось лишний раз; прежде всего перед самим собой. Он поднял руки вверх – совсем ненадолго, чтобы создать плетение-ключ, тут же воспринятый нужными узлами заклятия, внедренного в стены, потолок и полы помещения. И кивнул Эфиру, улыбнувшись. Тот улыбаться не стал; свою часть магического действия выполнил с серьезным лицом.

Объединенная мощь двух Истинных магов явила настоящее чудо – в углу комнаты, который словно всегда держали пустым, появилась фигура еще одного мага. Спустя несколько ударов сердца ее вполне можно было принять за реальное, плотское тело Истинного мага Жизни. Дор Му даже шагнул вперед. А потом уселся в кресло, изготовить иллюзию которого для короля было здесь совсем плевым делом. И говорить новое действующее лицо начало сразу, не дожидаясь приветствий, или вопросов.

– Да, – заявил хмурый маг, явно понимавший, что все вводные слова уже сказаны, – явился тут ко мне... Внешник. С виду – обыкновенный альв. Только его летающий артефакт не заметил мое защитное плетение, словно его наложил искусник первого круга. А точнее, альв развеял его за один удар сердца.

– И что он хотел? Какое предложение сделал? Если сделал, конечно.

Это спросила Гордензия, магиня Природы. Она по роду своей деятельности была ближе всех к Жизни. А уж сведения, что неожиданный визитер смог так легко преодолеть лесные заслоны коллеги, не могло не встревожить ее.

– Вообще-то он прибыл с просьбой, – ответил сразу всем маг Жизни, – просил, или даже требовал вылечить сына. Тоже альва, естественно. Но вот с этим была проблема. И очень тревожная, кстати.

– Какая проблема, Дор Му? – вернул нити правления разговором в свои руки король, – какая могла возникнуть проблема с лечением разумного у ТЕБЯ?!

– Я не смог помочь больному, – выдохнул маг Жизни; вид у него при этом стал каким-то потерянным, – изменения в мозгу оказались необратимыми. А самое главное...

– Что? Что – самое главное? – поторопил его, прервав затянувшуюся паузу, Ергус.

– Самое главное, что заклятие на этого альва наложил маг. Очень сильный маг. Я такого сделать бы не смог.

– А кто смог бы? – спросил чуть растерянно король.

– Может быть, Глайда... ну, и Конклав общими силами, конечно. Да, и помочь этому альвийскому принцу тоже может лишь Великое целительское плетение.

– Принцу?! – спросил сначала король.

– Это так его отец сказал. Сам же он представился главой клана. Имени не назвал, но предложил взять королевство под защиту своего клана.

– Ха-ха! – раздельно произнес красавец-Звук, – он был в своем уме, когда предлагал такое?

Но образ Истинного мага Жизни лишь грустно улыбнулся:

– Еще этот альв сказал, что мы можем убедиться в его возможностях. Предложил выбрать любой город королевства – нам самим выбрать.

– Зачем?!

– Затем, что он уничтожит его, если мы не вылечим его сына. Ну, а если мы... ты, Ергус, не сделаешь такого выбора, то удар с небес падет на столицу. И что-то я не очень верю, что твоя защита поможет сохранить город. Да – и сроку он дал ровно три декады. Требовал одну, но это уже я выторговал – сказал, что за такой срок собрать весь Конклав просто нереально.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.